О ЧЁМ

ПОЮТ

ИТАЛЬЯНЦЫ?

тексты итальянских песен, переведённые
на русский язык,
с пояснениями и комментариями

перевод и комментарии
С.И. Николаева

Санкт-Петербург
2023 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

2 Оглавление
3 Предыстория
4 Проблемы перевода песни

5 Народные песни
6 Шум моря (Lu rusciu de lu mare)
7 Гуаррачино (Lo guarracino)
11 Колыбельная (Ninna Nanna Marinare)
12 Тарантелла Командата (Tarantella Napoletana Comandata)
13 Ты так красива (Tu bella ca lu tieni lu pettu tundu)
14 Я в тот вечер гулял (E iere sera passave)
15 Лети, голубка, лети (Vola palomma vola)
17 Чесальщик шерсти (Lu scardalane)
18 Ой, кум, ой, кума! (Voje cumpa', voje cumma')
19 Верда Олива (Verd'Auliva)
21 Тучи на небе сгустились (L'aria dellu ciele)
22 Бедная Чечилья (1-й вариант) (La bella Cecilia)
23 Бедная Чечилья (2-й вариант) (La bella Cecilia)
25 Мерика, Мерика (Merica, Merica)
26 Гимн Обердану (Inno a Oberdan)
27 Чёрная Гора (Monte Nero)
28 В карпатских горах (Sui monti Scarpazi)
29 Прощай, красавица! (Bella Ciao)

30 Неаполь! Неаполь!
31 Неаполитанский танец (La Danza)
32 Кофе ('O ccafè)
34 Вот она! (Chella llà)
35 Почему мы не едем в Америку? (Pecché nun ce ne jammo in America?)
37 Напуле (Napule è)
38 Город Пульчинеллы (A città 'e Pulecenella)

40 Эстрада
41 Грустный канар (Blue canary)
42 Песенка за два сольди (Canzone da due soldi)
43 Дремлет Таормина (Dorme Taormina)
44 Добрый вечер, синьорина (Buona sera signorina)
45 Как раньше (Come prima)
46 Лечу! (Volare)
47 Никто, никогда (Nessuno)
48 Ах, что за луна! (Guarda che luna)
49 Прости меня (Perdonami)
50 Бактриан и дромедар (Il cammello e il dromedario)
51 Обгорела! (Il peperone)
52 Матушка Мария (Mamma Maria)
53 Обычные истории (Storie di tutti i giorni)
54 Римские каникулы (Vacanze romane)
55 Интеллигенция (Intellighenzia)
56 Итальянец (L'Italiano)
58 Карузо (Caruso)
60 Свобода (Libertà)
61 Проклятая любовь! (Me cago en el amor)
63 Колыбельная тумана (Ninna nanna della nebbia)

64 Адриано Челентано
65 Привет, друзья, привет! (Ciao ragazzi ciao)
66 Мир в тональности "ми" (Mondo in mi 7a)
68 Парень с улицы Глюка (Il ragazzo della via Gluck)
69 Синева (Azzurro)
70 Ласка в кулаке (Una carezza in un pugno)
71 История любви и ножа (Una storia d'amore e di coltello)
72 Вот такая история (Una storia come questa)
74 Под простынями (Sotto le lenzuola)
75 Тридцатиэтажное дерево (Un albero di trenta piani)
76 Хотел бы знать (I want to know)
77 О, нет! (Non è)
78 Одни (Soli)
79 Бегут твои года (E intanto il tempo se ne va)
80 История любви (Storia d'amore)
81 Сюзанна (Susanna)
82 Признайся! (Confessa)

83 Итальянская авторская песня
84 Куда летишь, стервятник? (Dove vola l'avvoltoio)
86 Песенка про военного и осла (La canzoncina del militare in bicicletta)
88 Фабрицио Де Андре
89 Баллада о герое (La ballata dell'eroe)
90 Баллада о Микé (La ballata del Michè)
91 Карл Мартелл возвращается с битвы при Пуатье (Carlo Martello ritorna dalla battaglia di Poitiers)
93 Песня о Маринелле (La canzone di Marinella)
94 Война Пьеро (La guerra di Piero)
96 Песня о потерянной любви (Canzone dell'amore perduto)
97 Баллада о слепой любви (La ballata dell'amore cieco)
98 Улица дель Кампо (Via del Campo)
99 "Алые губки" (Bocca di rosa)
101 Любовь приходит и уходит (Amore che vieni amore che vai)
102 Зима (Inverno)
103 Рождественская сказка (La leggenda di Natale)
104 Хороводная (Girotondo)
105 Твои прекрасные очи (Per i tuoi larghi occhi)
106 Рыбак (Il pescatore)
107 Андрэа (Andrea)
108 Дон Раффаэ (Don Raffaè)
110 Из цикла песен "Благая Весть" ("Buona Novella")
111 Детство Марии (L'infanzia di Maria)
112 Возвращение Иосифа (Il ritorno di Giuseppe)
113 Сон Марии (Il sogno di Maria)
115 Аве Мария (Ave Maria)
116 Мария в мастерской плотника (Maria nella bottega d'un falegname)
118 Три матери (Tre madri)
119 Джорджо Габер
120 Не красней (Non arrossire)
121 Ночные улицы (Le strade di notte)
122 Цветная открытка (La cartolina colorata)
123 Станция у моря (Una stazione in riva al mar)
124 Церковь обновляется (La chiesa si rinnova)
126 Шампунь (Lo shampoo)
127 Конформист (Il conformista)
129 Вирши третьего тысячелетия (Verso il terzo Millennio)
130 Я не ощущаю себя итальянцем (Io non mi sento italiano)
133 Маттео Сальваторе
134 Мой начальник (Padronə miə)
135 Моя любовь (Lu bene mio)
136 Виват, война! (Viva la guerra!)
137 Вечно бедные (Sempe povere)
138 Указ муниципалитета (Il bando del comune)
138 Уведомление о мясе (Il bando della carne)
139 Продавец рыбы (Il pescivendolo)
140 История эмигранта (La storia dell'emigrazione)
140 Пастух (Lu pecurere)
141 Баллада о Терезине (La ballata di Teresina)
142 Лети, голубка, лети (Vola palomma vola)

143 Детские песни
143 Фисгармоника (Fisarmonica cercasi)
144 Солнечный лучик (Un raggio di sole)
145 Мой прекрасный замок (Il mio bel castello)
146 Дерево, живи! (L'albero vive)
147 Море (Mare amico mio)
148 Шёлк и монеты (Seta moneta)
149 Рассеянный Пиппо (Pippo non lo sa')
150 Про чёрного котёнка (Volevo un gatto nero)

151 Послесловие

ПРЕДЫСТОРИЯ

Идею перевода итальянских песен мне подкинула жена. В один прекрасный день она заявила, что будет ставить новый танцевальный номер на песню «Мамма Мария», и поинтересовалась, о чём она.

Из-за врождённой дотошности я решил не просто пересказать в двух словах, о чём поётся в песне, но захотел сделать полноценный перевод, с рифмами, размерами и, по возможности, буквальным смыслом.

Задача показалась одновременно интересной и трудноразрешимой, и я с энтузиазмом принялся за дело. Что-то, пусть и не без изъянов, получилось, и тут в голову пришла другая мысль: а почему бы не перевести на русский язык свои любимые итальянские песенки, да так, чтобы перевод можно было спеть под гитару?

И работа закипела...

В сферу моих интересов попали как популярные, известные большинству наших сограждан песни Адриано Челентано и Тото Кутуньо, так и бардовская песня, поскольку эта тема мне близка, как сочинителю песен под гитару. Сознательно обошёл стороной "попсовую" тематику, где смысловая и художественная составляющая текстов стремится к нулю.

Позже добрался до народных песен, в частности, перевёл несколько старинных тарантелл.

Несколько особняком стоит автор-исполнитель с юга Италии Маттео Сальваторе, чьё имя изрядно подзабыто самими итальянцами. Зарисовки из тяжёлой жизни апулийцев 20-х – 50-х годов XX века, очень мелодичные и эмоционально окрашенные, переносят нас на столетие назад на самый юг Италии.

Если углубиться в многогранный пласт итальянского песенного творчества, особенно народные и бардовские песни, то мы обнаружим практически все, привычные и для нас жанры: любовная лирика, военная, эмигрантская, песни о смысле жизни, даже блатная песня. Больше, чем у нас, у итальянцев представлены песни на политические, философские и религиозные темы.

Грустная до пронзительности эмигрантская тема появилась в Италии в конце XIX века, с началом массовой эмиграции населения в Америку, продолжавшаяся вплоть до 30-х годов XX столетия, но у современных авторов она уже не вызывает большого интереса. В данном сборнике эта тема затрагивается в таких песнях, как "Мерика, Мерика", "История эмигранта" Маттео Сальваторе, да отголоском ушедшей эпохи песня Лучо Далла, посвящённая Карузо.

Итальянские слова, употребляемые у нас, и понятные большинству без перевода, на русский язык не переводились, дабы максимально сохранить колорит текстов песен. Например: синьор, донна, мамма мия, чао, аль денте, ристретто и др.

Конечно, песни написаны для того, чтобы их слушать. Далеко не все тексты песен можно назвать высокой поэзией – они хороши именно в сочетании с мелодией, тембром голоса, вокальными особенностями исполнителя, аранжировкой. Но всё-таки я решился на создание этой книжки. Многие из этих песен Вы слышали и знаете, а те, что не слышали – этот сборник, надеюсь, подвигнет вас на их поиск, чтобы послушать в оригинале. Ну, а понравившиеся переводы можно будет самим спеть по-русски в караоке или же под гитару в кругу друзей!

Главной задачей этой книги является ознакомление русскоязычных любителей итальянской музыки с темами, поднимаемыми итальянцами в песнях различных жанров. И я буду несказанно рад, если она поможет вам лучше понять народ Италии, его чаяния и заботы через их песни, и ещё сильнее полюбить эту солнечную страну и её обитателей!

К заглавиям большинства песен привязаны интернет-ссылки на звуковые mp3-файлы на итальянском и русском языках, так что эти песни можно послушать.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ПЕСНИ

Перевод песни, как отмечалось выше, весьма сложная задача для переводчика, так как, кроме передачи замысла автора, смысла, художественной, стилистической и эмоциональной составляющей, есть ещё и чисто технические задачи, как то: сохранение размера каждой строки, чтобы она укладывалась в мелодику песни, сохранение рифм, желательно ещё и фонетически созвучных оригиналу. Ну и, конечно, перевод должен звучать по-русски естественно, не коряво.

Фонетически созвучны, в идеале, должны быть и ударные гласные в словах, на которые попадает смена аккордов аккомпанемента.

Ввиду того, что совершенству не бывает предела, перевод, на мой взгляд, никогда не может быть закончен, так как спустя какое-то время (недели, месяцы и даже годы), обязательно приходят на ум более удачные варианты, и в давно сделанный перевод зачастую вносятся исправления. Этот процесс можно, наверное, сравнить с созреванием вина.

В результате кропотливого труда, на выходе мы получаем подстрочный перевод. Я сознательно не увлекался художественным переводом, так как, чем больше переводчик вносит в перевод своего, тем, увы, меньше остаётся от оригинала. А, повторюсь, главной задачей ставился, по возможности, дословный перевод.

Итак, начнём...

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Народные итальянские песни, представленные в данном сборнике, охватывают период от средних веков до века XX-го. Этот раздел позволяет заглянуть в душу итальянского народа, узнать его мысли и чаяния, а также сравнить с нашей народной песней, увидеть схожие черты и отличия.

Эта средневековая тарантелла рассказывает о несбыточной любви простого солдата и принцессы. Принцесса выходит за принца, и на свадьбе держит в руках цветок – королевский символ, на свадьбе же простолюдинов использовали ветку пальмы. Тарантелла – средневековый танец с постепенно ускоряющимся ритмом и кружением. Считалось, что этот танец излечивал после укуса тарантула (отсюда и один из вариантов происхождения названия – тарантелла). В оригинальной версии это весьма медленная песня-танец, но современная, убыстрённая версия мне кажется более яркой и эмоциональной.

Шум моря
(Lu rusciu de lu mare)

(народная, перевод с апулийского диалекта)

Пошёл на охоту однажды в болота,
И услышал лягушек дружное пенье.
И услышал лягушек дружное пенье.

Их хор так чудесен был и так строен,
Что казался шумом морского прибоя.
Что казался шумом морского прибоя.

Шум морского прибоя стал сильным, когда
Себя смерти дочь короля предала.
Себя смерти дочь короля предала.

Она для меня умерла навсегда –
Вышла за принца дочь короля.
Вышла за принца дочь короля.

Она – за принца. Женился и я.
Дочь короля цветок принесла.
Дочь короля цветок принесла.

Она – цветок, я – ветку пальмы.
Дочь короля уезжает в Испанию.
Дочь короля уезжает в Испанию.

Она – в Испанию, в Турцию я.
Дочь короля – невеста моя...
Дочь короля – невеста моя...

Лети, лети, лети, голубка моя,
Лети, лети, лети, голубка моя.
С ней сердце своё посылаю тебе,
С ней сердце своё посылаю я.

XVIII век, автор неизвестен. По этой тарантелле можно изучать морскую фауну Неаполитанского залива. В XX столетии в Италии проводились обширные исследования по опознанию рыб, упоминаемых в этой песне, так как многие из средневековых названий давно вышли из употребления.
При переводе этой песни автор книги позволил себе немного "похулиганить". Но совсем чуть-чуть.

Гуаррачино
(Lo guarracino)

(перевод с неаполитанского диалекта)

Гуаррачино[1], что в море резвился,
Как-то от скуки жениться решился.
Из лучших шипов костюмчик одел он,
В наряд чешуи укутал тело.
Достал и парик щеголеватый –
Ленточки в локонах витиеваты.
Жабо, декольте и даже манжеты
Английского кроя были надеты.

Из сети рыбацкой сшиты чулки,
Из кожи тунца у него башмаки.
Пиджак и жакет – моднейший покрой –
Из тины и шерсти коровы морской.
В петельках пуговки, что в самый раз,
Из осьминожьих бусинок-глаз.
Шпага, и пряжка, и банты окраса
Чернил каракатиц и желчи карасьей.

Два ожерелья, каратов по сорок,
Из ракушек устриц, прямо из створок.
Плетёная шляпа лучших фасонов
Из анчоусьих хвостиков, в меру солёных.
Духами побрызган и чисто постиран:
Ни дать и ни взять, денди стал с виду.
И вот он сорвался с уютного места
На поиски самой достойной невесты.

А сардинка на балконе
В тот час играла на тромбоне.
И под звук своей тромбетты
Напевала ариетту:
"Эй, плыви сюда скорее!
Дочь самой синьоры Лены
Прогнала жениха за то,
Что не дарил ей ничего!"

На неё самец воззрился,
И в сардиночку влюбился.
Обратился к окунихе,
Окунихе-собачихе,
Чтоб снесла за чаевые
Его записочку сардине.
И сказала что-то тихо
Ей на ушко окуниха.

Услыхав про это дело,
Сардинка сильно покраснела.
Девичий стыд её постиг,
И свалилась с рифа вмиг.
А старуха окуниха
Прошептала тихо-тихо:
"Себя не правильно ведёшь,
Так ты мужа не найдёшь!

Если хочешь выйти замуж,
То гримасничать не надо ж:
Робость смелостью смени,
Душу с сердцем распахни!"
Сардинка, услыхав про то,
Робко глянула в окно,
И глаза её влюблённо
Вниз взглянули томно-томно.

Моллюск, что рядом возлежал,
Сардинку гадкой обозвал.
И коварной, и бесстыдной,
И много слов других обидных:
"За что бросила тунца
Ухажёра, молодца?"
Со всех ног он побежал
И тунцу всё рассказал.

Как бедняга то услышал,
У него сорвало крышу.
В миг – домой, за нож схватился,
И как мул он нагрузился:
Взял мушкеты, алебарды,
Порох, пули, дробь и ядра,
Четыре пистоли, а три ржавых штыка,
Подумав, в кармане спрятал пока.

Семьдесят аркебуз на плечи взвалил,
Восемьдесят бомб, девяносто мортир,
И как гуаппо[2] с Паладино[3]
Вышёл на поиски Гуаррачино.
И на беду дурачины того
Прямо на площади встретил его.
За жабры схватив, говорит, "Это что ж?!
Сардинку мою плавниками не трожь!

Собрался красть мою невесту?
Палка эта будет к месту!"
Бух, ба-бах бессчётно раз:
Бьёт наотмашь в бровь и в глаз.
Дал всю волю кулакам,
Лупил его по всем местам:
Подзатыльники, щелчки –
Трещали кости и хрящи!

А вокруг в свалке, шуме, и гаме
Их родня и друзья дрались и скакали:
Кто с ножом мясника, кто с перочинным,
Кто-то со шпагой, кто-то с рапирой,
Кто-то с дубиной, кто-то с кольём,
Кто с фундуком, а кто с миндалём.
Кто с молотком, кто-то с клещами,
Кто-то с нугой, а кто-то с салями!

Папы, сынишки, жёны, мужья –
Дерутся отчаянно – стая зверья!
Имя им – легион! Кружатся юлой
Гады морские банд этой и той!
Им несть числа: сельди, сардины,
Плоские скаты и лоцманы-рыбы,
Зубасто-глазастые караси,
Макрели и всякого рода тунцы.

Куньи акулы, налимы морские,
Сарганы, анчоусы, груперы были,
Ставриды, осётры, коронада одна,
Звёзды морские и с ними – хамса.
Треска, морские снетки и мурены,
Киты, барракуды, косатки, скорпены,
И барабульки, и сельдь иваси,
Морские дракончики и петушки.

Скаты, кефали, снова тунцы,
Облады, коньки, сарделлы мальки,
Осьминоги, нарвалы, кальмары,
Полипы, медузы и прочие гады.
Рыба-меч, рыба-молот и кашалот,
А также морские ёрш, кот и чёрт.
Каракатицы, устрицы, в томате бычки,
Ласточки-рыбки, морские ежи.

В раку́шках улитки, моллюски-венерки,
Акулы тигровые, крабики мелкие,
Сопливые, склизкие губаны зелёные,
Кто на сносях, кто женатые, вдовые.
Карпы и сарпы, моллюски колючие,
Кто босиком, но были даже в ону́чах.
Раки, лангусты, моллюски-спирали
Прибыли все, кого и не ждали!

Сайра, самки угря и самцы,
Крупные рыбы и, пока что, мальцы.
Всех рыбьих наций, сословий, цветов,
Разных размеров и всяких сортов.
Вопли и крики: "О, мамма мия!"
Все друг друга отчаянно били!
Сотни палок и дубин,
Одних камней – миллион один.

Щипков, укусов – миллиарды,
Ядра, бомбы и петарды.
Как свидетель скажу честно:
Это было повсеместно!
Тут пистоли пу-пу-пу!
Там аркебузы бу-бу-бу!
Палят из ружей тра-та-та!
Пушки бабахают ба-ба-ба!...

Баста! Петь я вам устал.
Вышел пар, запал пропал.
Жду от вас я разрешенья,
Милости и позволенья
Принять четвертинку вина
За здоровье невесты, вас и меня.
В глотке, как у нас под водой говорят,
Всё пересохло и жабры горят!

---

[1] – Гуаррачино (неаполит.) – ласточка-рыбка (рыбка-монашка);
[2] – Гуаппо (неаполит.) – криминальный авторитет городского района (квартала), энергичный и наглый, нарочито шикарно одетый;
[3] – Паладино – один из районов Неаполя.

Мелодичная колыбельная обрела новую жизнь в современной интерпретации "Pink Martini".

Колыбельная
(Ninna Nanna Marinare)

(народная, перевод с неаполитанского диалекта)

Спи, усталый мой моряк,
В лодке утлой на волнах.
Пусть луна и шелест волн
Не тревожат чуткий сон.

Мне б прильнуть к твоим губам,
Но разбудить боюсь тебя.
И гляжу издалека,
Безнадёжно влюблена.

Сколько же мне ждать
Тот долгожданный вечер
Под полною луною?
Сколько же мечтать?
Признанием в любви
Мне сердце оживи.
Но ты – лишь одни мечты.

Баю-баю, спи, моряк мой,
Переменчивый, как море:
То в безветрии спокоен,
То как волны в бурю грозен.

У тебя другие думы
И, увы, не обо мне,
Но тебя лишь буду ждать я
В распростёртые объятья.

Сколько же мне ждать
Тот долгожданный вечер
Под полною луною?
Сколько же мечтать?
Признанием в любви
Мне сердце оживи.
Но ты – лишь одни мечты.

Одна из самых известных и узнаваемых итальянских мелодий. Великолепна в исполнении Марио Мерола!

Тарантелла Командата
(Tarantella Napoletana Comandata)

(народная, перевод с неаполитанского диалекта)

Дева, дева, юная дева,
Давай, станцуем тарантеллу!
С парой и ещё одной
Этот танец озорной!

Что за радость к нам пришла!
Скачи, пляши Неннелла моя.
Мы танцуем этак и так
Под тамбурин и трикабалак[1]!

Вот Антонио не до танца –
Его живот поёт романсы,
Добежать бы до гальюна:
Макарон переел, как всегда.

Роза вдруг остановилась:
– Ох, головка закружилась!
Коль сам танцуешь тарантеллу –
Мозг станцует непременно.

А Виченцо качается в такт,
Хочет вперёд, но тянет назад:
Выпил он немного вина,
Ах, как кружится голова!

Вот Амалии – шестьдесят,
Но, как и сорок лет назад,
Танцует, топает ногой.
– Ой, наступила на мозоль!

Эй, красавец молодой,
В пляс пустись ночной порой.
Эй, красавица, юная дева,
Давай станцуем тарантеллу!

Тамбурин и бубен верный
Всем помогут наяву
В вихре этой тарантеллы
Молодость продлить свою!

---

[1] – трикабалак – ударный народный инструмент

Красивая и певучая старинная тарантелла.

Ты так красива
(Tu bella ca lu tieni lu pettu tundu)

(народная, перевод с южно-итальянского диалекта)

Ты так красива, ты – молода,
Ты так красива, ты – молода.
Твоя грудь – упругая, спелая айва,
Твоя грудь – упругая, спелая айва.

Тебя зовут Мария – красивое имя!
Тебя зовут Мария – красивое имя!
Такое же имя, как у Мадонны,
Такое же имя, как у Мадонны.

На миг всего о тишине вас молю,
На миг всего о тишине вас молю.
Прошу, услышьте песню мою,
Прошу, услышьте песню мою.

О том, как и море, и берег красивы,
О том, как и море, и берег красивы.
О том, как красива дочь моряка,
О том, как красива дочь моряка.

Ла ни на нинина на ни нинена,
Ла ни на нинина на ни нинена.
Увижусь на закате с ней непременно,
Увижусь на закате с ней непременно.

Апельсины посажу и мандарины,
Апельсины посажу и мандарины.
И лимончелло для моей любимой,
И лимончелло для моей любимой.

Тебя прекрасней нет на белом свете,
Тебя прекрасней нет на белом свете.
Ты для меня – идеал красоты,
Ты для меня – идеал красоты.

Ты – ласточка, скользящая над морем,
Ты – ласточка, скользящая над морем.
Прошу, услышь слова, слова моей любви,
Прошу, услышь слова, слова моей любви!

Следующие несколько народных песен происходят из апулийского региона Гаргано, расположенного на юге Италии (источник: https://www.garganoverde.it).
Мораль первой довольно проста: не будь лежебокой, и всё у тебя будет.

Я в тот вечер гулял
(E iere sera passave)

(народная, перевод с апулийского диалекта,
регион Гаргано)

Я в тот вечер гулял:
И море цветов, и дроли любовь.
Я в тот вечер гулял,
Пока ты спал.

Я не мог тебе дать
Ни моря цветов, ни дроли любовь.
Я не мог тебе дать,
Добрый вечер.

Так встань, приди, и найди
И море цветов, и дроли любовь.
Так встань, приди, и найди
Добрый вечер.

Я встал, но не нахожу
Ни моря цветов, ни дроли любовь.
Я встал, но не нахожу
Добрый вечер.

Ах, если бы ветер принёс
И море цветов, и дроли любовь.
Ах, если бы ветер принёс,
Ветер принёс.

Сравнение молодой девушки с голубкой можно увидеть в целом ряде итальянских народных песен, в различных интерпретациях. Вероятно, эта тема своими корнями уходит на столетие, а может и больше, назад. В данном сборнике представлены две из них, с одинаковым названием, одна – на этой странице, другая на стр.142 в варианте Маттео Сальваторе. Представленная здесь песня построена в виде диалога, и исполняется на два голоса – от лица парня и девушки.

Лети, голубка, лети
(Vola palomma vola)

(народная, перевод с апулийского
диалекта, регион Гаргано)

– Лети, голубка, лети,
Хочешь лететь – лети,
Но прежде в объятья твои,
Дозволь напоследок придти.

– Если в мои объятья
Ты захочешь придти,
Стану тогда я древом,
Что в чистом поле стоит.

– Если ты станешь древом,
Что в чистом поле стоит,
Я дровосеком стану,
Приду тебя срубить.

– Коль дровосеком станешь,
Придёшь меня срубить,
Я стану птицей свободной,
Чтоб в небо высóко взмыть.

– Если ты станешь птицей
Чтоб в небо высóко взмыть,
Я птицеловом стану,
Смогу тебя изловить.

– Коль птицеловом станешь,
Чтобы меня изловить,
Стану я рыбкой малой,
Чтоб в синее море уплыть.

– Коль станешь рыбкой малой,
Чтоб в синее море уплыть,
Я рыболовом стану,
Смогу тебя изловить.

– Коль рыболовом станешь,
Чтобы меня изловить,
Я стану тогда монашкой,
Уйду от тебя в монастырь.

– Если ты станешь монашкой,
Уйдешь в монастырь от меня,
Я стану тогда монахом,
Приду исповедать тебя.

– Если ты станешь монахом,
Меня исповедать придёшь,
Я простой девушкой стану,
И возвращусь домой.

– Коль простой девушкой станешь,
И возвратишься домой,
Стану простым я парнем,
И в дом твой приду за тобой.

– Если простым станешь парнем,
И в дом мой придёшь за мной,
Мы сердца наши свяжем,
Я стану твоею женой.

Песня про почти забытую мужскую профессию. Для чесания шерсти использовались две деревянные "доски-расчёски", шерсть помещалась между ними и перетиралась, благодаря чему волокна расчёсывались и упорядочивались. После этой процедуры можно было приступать к прядению нити, чем традиционно занимались женщины. Чесальщики шерсти ходили со своим инструментом по деревням и предлагали свои услуги. Неженатый работник имел хороший повод познакомиться с приглянувшейся ему девушкой, особенно, если предлагал свои услуги бесплатно.

Чесальщик шерсти
(Lu scardalane)

(народная, перевод с апулийского диалекта,
регион Гаргано)

Этот парнишка – меня он смущает:
Шерсти чесальщиком хочет он быть.
Такая работа: её кто познает,
Доску чесальную должен носить.

Вот он дошёл до конца переулка,
Девушек видит, и давай зазывать:
– Сделаю вам всю работу бесплатно,
Если кому надо шерсть расчесать.

Шерсть твоя белая или же чёрная,
Мягкой, как шёлк, станет она.
Если работа моя не по нраву,
Есть брат у меня, может он расчесать.

Ой, кум, ой, кума!
(Voje cumpa’, voje cumma')

(народная, перевод с апулийского диалекта, регион Гаргано)

Ой, кум, ой, кума!
Жена – это не коза.
Жизнь моя хороша,
И жена мне не нужна.

Если будет некрасива
Скажет всяк, идущий мимо:
– Дьявол ослепил тебя,
Раз такую в жёны взял.

Если будет хороша,
Должны при ней быть сторожа,
А не углядишь и дня –
Наставят тотчас же рога.

Если будет так мала,
Что под стол пройдёт жена,
Ищите здесь, ищите там –
Под столом всегда она.

Если будет каланча –
Выйти с ней гулять нельзя,
Чтоб всяк её не попросил:
– Помоги собрать инжир!

Коль достанется вдова,
Манеры знает все она,
Если спросишь вдруг о чём –
Вечно в думах о своём.

Коль достанется ханжа,
Тронь – закусит удила.
С чётками в руках живёт,
Но жизнь собачью ведёт.

Если будет без ума,
Не доверишь ей огня,
А как спать пора идти –
Страшновато свет гасить.

Коль достанется стара,
Кожа сморщенная вся,
Живот сжимается, урчит...
Гитара больше не звучит!

Далее рассмотрим два примера народных повествовательных песен. Обе рассказывают о любви – несчастной и трагической.

Верда Олива
(Verd'Auliva)

(народная, перевод с апулийского диалекта,
регион Гаргано)

Должна Верда Олива[1] замуж выйти,
А Марко, граф, на ней должен жениться.
– Пускай граф Марко сказочно богат,
Люблю я Контичелло и не предам.
Люблю я Контичелло и не предам.

И вот к родителям их подвели,
И вот они благословили,
И вот венчаться в церковь повели,
И вот за стол их рядом усадили,
И вот до самой спальни проводили.

– Сан-Маргарите я обет дала:
Остаться девой в эту ночь должна.
– Возьми ты не одну ночь, а четыре,
Исполни свою клятву, Верда Олива.
Коль хочешь, даже тридцать их возьми,
Лишь бы довольною осталась ты.

Верда Олива ночью тихо встала,
И к Контичелло милому сбежала.
– Ты, милый, мне открой скорее двери:
Верда Олива осталась тебе верной.
Мой милый, отвори же двери мне,
От смерти я спаслась, придя к тебе.

– Не мог с тобою быть, когда девицею была,
Тем более теперь – чужая ты жена.
– Ты, Контичелло, делай всё быстрее,
А коли не найдешь меня уж девой,
Всегда ты, Контичелло, при мече,
И если лгу – сруби голову мне.
Граф Марко пробудился среди ночи.
Младой жены не видят его очи.
– Ох, мама, мама, ты зажги огонь:
Верда Оливы нет рядом со мной!
Ох, мама, мама, ты зажги свечу:
Своей любимой я не нахожу.

– Сын мой, ты был бы мной благословлён,
Когда бы ночь провёл на стороне её.
Сын мой, ты можешь проклят быть теперь:
Ведь спал ты на кровати, на своей.
Сын мой, отлучен можешь быть теперь:
Ведь спал не на её ты стороне.

И вот граф Марко из дому бежит,
И к Контичелло он в отчаяньи стучит:
– Ты, Контичелло, двери мне открой,
Я кобылицу потерял ночной порой.
– Нет, ты не кобылицу потерял,
А Верда Оливу. Она любит меня!

То – не породистая кобылица,
А Верда Олива – в моих объятиях тигрица.
Ты – рогоносец сообщниц трёх по крови:
Жены, её сестры, твоей свекрови.
Теперь ты – рогоносец, надевай свои рога,
И отсюда прочь беги, беги ими гремя,
Пока ещё не бьют в колокола...

Мать ведать лишь свои должна дела,
А дочь – быть с тем, кого любит она.

---

[1] – Зелёная Олива

Тучи на небе сгустились
(L'aria dellu ciele)

(народная, перевод с апулийского диалекта, регион Гаргано)

Тучи на небе, на небе сгустились,
Тучи на небе, на небе сгустились.
Едет Пьяченца с невестой домой,
Ой, да домой.

Вот добрались до тихого места,
Он обнимает, целует её.
Но братья невесты, блюстители чести,
Ударили подло в спину его.

Невеста взглянула на него, вопрошая:
– Что там, Пьяченца, что это – кровь?
– Нет, успокойся, моя дорогая,
Это пятно – моей лошади пот.

– Ничего, ничего, вот – дорога, спокойно,
Нужно проехать ещё чуть немного.
– Маменька, мама, открой же мне двери,
Я невестку привез, но я ранен смертельно.

– Что делать с невесткой сыночек, скажи,
Где же ты, где же, о, милость любви!
– Маменька, мама, накрывай-ка на стол,
Перед гостями меня не позорь.

Скамьи за столами были полны,
Лишь место Пьяченцы осталось пустым.
– Ах, маменька, мама, что за шум наверху?
Там женщины, слышу, истошно орут.

– Доченька, ты не тревожься о том,
Женщины наши все так голосят.
– И доченька, дочка, сними ты кольцо,
В доме моём сей красе не бывать.

– И доченька, дочка, сними это платье,
Не для тебя этот праздник прекрасный.
– И доченька, дочка, серёжки сними:
Убийцами стали братья твои.

– Доченька, дочка, останься, коль хочешь,
В память Пьяченцы будь рядом со мною.

– Двенадцать коней привела сюда я,
Уехать хочу с двадцатью четырьмя.
Рыдайте же донны, плачьте же стены –
Ухожу в тёмном, хоть пришла в белом.

И когда доберусь до тихого места,
Девой-монашкой стану навечно.
И когда я вернусь в деревню свою,
В чёрное лишь облачаться смогу.

Одна из самых популярных народных песен Италии. Точное количество вариантов "Чечильи", думается, вам не скажет никто. Практически в каждой итальянской провинции имеются свои варианты текста, исполняемого на своём, местном диалекте. Сюжет песни уходит вглубь веков, в средневековье, и, за столетия не утратив народный интерес к затронутой в ней теме, неоднократно перерабатывался и дополнялся новыми подробностями. Судьба героини в разных интерпретациях песни различна: Чечилья умирает от горя, оканчивает жизнь самоубийством, убивает, либо угрожает убить капитана, с презрением отвергает мужской пол. Тема цветка, растущего на могиле женщины, умершей из-за трагической любви, затрагивается и в других итальянских народных песнях.
В сборник, для сравнения, вошли два варианта "Чечильи".

Бедная Чечилья (первый вариант)
(La bella Cecilia)

(народная песня)

Бедная Чечилья плачет о муже своём,
Его в тюрьму заточили, вынесли приговор.

– О, синьор капитан, милость сделайте мне!
– Всего за одну ночку со мной я помогу тебе!

И бедная Чечилья к мужу в тюрьму бежит:
– Милый, ты позволишь, провести одну ночку с ним?

– Ты не думай о чести, иди, Чечилья, иди,
Только спаси мою жизнь, вызволи из тюрьмы.

В полночь Чечилья проснулась, вздыхая тяжело.
– Что случилось, Чечилья, не спишь ты отчего?

– Я сон плохой увидела, что умер любимый мой муж,
А если муж мой умер, мне тоже жить ни к чему.

– Спи же, Чечилья, спи, спи, не тревожься о том,
Знай, что на рассвете муж будет здесь, живой.

Утром встаёт Чечилья и идёт на балкон,
И видит мужа повешенным: в полночь он был казнён.

– Прощайте, дворцы роскошные, красивые города,
Аддьё, личико золотое, кто ж поцелует тебя?

На кладбище могила, на ней растёт розы цветок,
Этот цветок – Чечилья, что жизнь отдала за любовь.

Бедная Чечилья (второй вариант)
(La bella Cecilia)
(народная песня, неаполитанский диалект)

О, святая Чечилья,
Мужа в тюрьму заточили!
Не причинив зла никому,
В тюрьме томится мой муж.

– Слушай, Чечилья, слушай,
Слушай мои слова:
Иди к капитану, он может
Отпустить на свободу меня.

– Слушай, синьор капитан,
Что тебе муж мой сказал:
Если, мол, очень захочешь –
Отпустишь его тогда.

– Слушай, Чечилья, слушай,
Мужу вот что скажи:
Если со мной проведёшь одну ночь,
Он сможет отсюда уйти.

– Слушай, мой муж дорогой,
Что говорит капитан,
Коль проведу с ним ночь одну,
Будешь свободным тогда.

– Слушай, Чечилья, слушай,
Если всего ночь одну,
Ты позабудь о чести,
Можешь пойти к нему.

– Слушай, синьор капитан,
Такой ответ дал мне мой муж:
Если только лишь ночь одну,
К тебе я сегодня приду.

И в час, когда полночь пробила
Вздохнула она тяжело.
– Отчего же, моя Чечилья,
Ты мне спать не даёшь?

И утром открыла двери,
И, выйдя на балкон,
Увидела: в тюремном дворе
Её муж висит в петле.

– Послушай, синьор капитан,
Ты обманул меня!
Лишил ты меня любви,
Отняв мужа – и жизнь забрал.

– А ты, моя Чечилья,
О своей не волнуйся судьбе:
Теперь князья да рыцари
Будут мужьями тебе.

– Но мне не нужны князья,
Рыцари мне не нужны,
Мне осталась вера одна,
Ту, что мне Бог даровал.

Имела б хотя бы пол сабли,
Хотя бы пол карабина,
Всех вас, убийц и бандитов,
Я бы тогда погубила!

Песня итальянских эмигрантов. Первая волна эмиграции из Италии начинается в 1870-е годы, когда после объединения итальянских государств страну поразил кризис. В конце XIX века итальянцы эмигрировали в основной своей массе в США и Южную Америку. Эта песня сочинена переселенцами из области Венето в Бразилию. Почему Америку в этой песне называют Мерикой, спросите вы? Дело в том, что население Италии в то время было малограмотным, особенно крестьяне, и название страны вместе с артиклем l'America на слух воспринималось ими как la Merica, а без артикля – соответственно Merica.

Мерика, Мерика
(Merica, Merica)

(народная, конец XIX века,
перевод с венетского диалекта)

Мы Италию нашу покинули,
Покинули гордо, красиво.
Тридцать шесть дней пара и дыма –
Эта Мерика так далека.

Мерика, Мерика, Мерика,
Как встретит нас эта Мерика?
Мерика, Мерика, Мерика,
Красивый букетик цветов.

Когда мы во Мерику прибыли,
На земле, словно звери, мы спали,
И на голой земле мы лежали –
Не нашлось ни соломы, ни сена.

Мерика, Мерика, Мерика,
Как встретит нас эта Мерика?
Мерика, Мерика, Мерика,
Красивый букетик цветов.

Она – длинна, широка,
Страна гор и бескрайних равнин,
И трудом итальянских мужчин
Цветут сёла здесь и города.

Мерика, Мерика, Мерика,
Как встретит нас эта Мерика?
Мерика, Мерика, Мерика,
Красивый букетик цветов.

Песня, написана в 1885 году, автор неизвестен, считается народной. Этот гимн – ответ на казнь борцов за освобождение северной Италии от владычества Австро-Венгрии.

Гимн Обердану
(Inno a Oberdan)

Францу[1] – смерть! Виват, Обердан[2]!
Францу – смерть! Виват, Обердан!

Бомбы, бомбы Орсини[3],
Кинжалы, кинжалы готовы.
Убьём австрияка-монарха!
Мы – жаждем свободы!

Францу – смерть! Виват, Обердан!
Францу – смерть! Виват, Обердан!

И воздвигнем надгробием
Гарибальди камень народный
Над трупом австрийской курицы[4]!
Мы – жаждем свободы!

Францу – смерть! Виват, Обердан!
Францу – смерть! Виват, Обердан!

Сбросим, друзья, с ног своих
Австрияков ненавистных оковы.
Смерть Габсбургам Лотарингским!
Мы – жаждем свободы!

Францу – смерть! Виват, Обердан!
Францу – смерть! Виват, Обердан!
Францу – смерть! Виват, Обердан!

---

[1]– австрийский император Франц Иосиф (1830-1916);
[2]– Гульельмо Обердан (как и [3]– Орсини) – активный борец за освобождение северной Италии от власти Австро-Венгрии. В 1882 году казнён после попытки убийства императора Франца Иосифа, став символом итальянского освободительного движения;
[4] – австрийская курица – имеется в виду австрийский герб.

Народная песня времён Первой мировой войны о кровопролитных боях в альпийских горах с австрийской армией за освобождение северных территорий Италии.

Чёрная Гора
(Monte Nero)

Во шестнадцатый день июня
На заре артподготовка прошла,
3-й Альпийский развёрнутым строем
Монте-Неро идёт штурмовать.

Гора Чёрная – Монте-Неро,
Не отдам я тебе жизнь мою!
Я покинул дом свой родной,
Я тебя покорять иду!

В том бою, чтоб тебя захватить,
Потеряли товарищей многих,
Все – молоды, лет двадцати,
И не вернуть жизнь героев.

Полковник не сдерживал слёз,
Увидев страшную бойню:
"Будь храбр, альпийский стрелок,
Это честь для тебя – пасть героем!"

Тридцать метров – последний рывок,
Остался до вражьих траншей.
В отчаянном натиске том
Наконец, враг захвачен в плен.

И тогда император австрийский
За альпийцев награду сулил:
Обещал Франц Иосиф медали,
Триста крон золотых положил

Тем, кто сумеет пленить
Храбрых бойцов полка,
Того, что напором лихим
Вселяет ужас в его солдат.

Но не трус альпийский стрелок,
И не сдастся в плен никогда:
Он умереть предпочтёт,
Не отдастся в руки врага!

О, Италия, славь же, страна,
Храбрых бойцов полка
Того, что в огонь шёл и воду
За честь твою и свободу.

О, Италия, должна ты гордиться
Отвагою храбрых альпийцев,
Что восстановили границы,
Отбитые у врага!

Песня молодых итальянцев, солдат из области Трентино (до Первой мировой войны входила в состав Австро-Венгрии), в 1917 году отправленных в Румынию в подразделения австрийской армии.

В карпатских горах
(Sui monti Scarpazi)

Я скиталась в горах во карпатских,
"Господь, милуй!", – молила душа.
Я искала тебя среди скал,
Но лишь крест могильный нашла.

О, жених мой ушёл во солдаты,
Чтоб защищать императора,
Но смерть нашёл в этих горах,
Никогда не вернётся назад.

Будь же проклята эта война,
Столько боли мне принесла!
Кровь свою земле этой отдал,
Свою жизнь ты здесь потерял.

Я хотела б отрыть себе яму,
Схоронить хотела б себя,
Сложив свои бренные кости
В пяди земли от тебя.

В СССР эта песня стала широко известна благодаря любимому мною в детстве югославскому фильму про партизан "По следу тигра" (1969). Её не раз переводили на русский язык. В частности, в весьма вольном, но сильном переводе её исполнял Муслим Магомаев. Одна из моих самых любимых итальянских песен.

Прощай, красавица!
или Белла чао!
(Bella Ciao)

Сегодня утром поднялись рано
О, белла чао, белла чао, белла чао, чао, чао!
Сегодня утром поднялись рано,
Мы дать должны врагам отпор.

Вы в партизаны меня возьмите
О, белла чао, белла чао, белла чао, чао, чао!
Вы в партизаны меня возьмите,
Хоть знаю то, что не вернусь.

Коль суждена смерть партизану
О, белла чао, белла чао, белла чао, чао, чао!
Коль суждена смерть партизану –
В горах меня похорони.

Похорони в горах тех дальних
О, белла чао, белла чао, белла чао, чао, чао!
Похорони в горах тех дальних
Среди растущих там цветов.

Чтоб проходящий мимо странник
О, белла чао, белла чао, белла чао, чао, чао!
Чтоб проходящий мимо странник
Мне рассказать о них бы смог.

Это цветы для партизана
О, белла чао, белла чао, белла чао, чао, чао!
Это цветы для партизана,
Что за свободу храбро пал!

Неаполь! Неаполь!

Итальянский песенный жанр невозможно представить без мелодичных и певучих неаполитанских песен. Поэтому я решил посвятить некоторым из них отдельный раздел, пусть и не очень большой, тем более, что неаполитанские песни представлены и в других разделах книги, в частности, в народных.

Неаполитанский залив, южное солнце, Везувий и сам город Неаполь веками вдохновляли многих авторов на написание ярких, солнечных песен.

Надо отметить, что неаполитанский диалект весьма значительно отличается от собственно итальянского языка – примерно, как украинский или белорусский от русского.

На меня Неаполь производит противоречивое впечатление: прекрасные дворцы, дома, живописные улицы и виды на Неаполитанский залив уживаются с кучами мусора, криминалом и игнорированием правил дорожного движения. В некоторых своих песнях неаполитанцы это признают, но ничего не могут поделать. Надеюсь – пока.

Большинство известных итальянских классических произведений давно переведены на русский язык, и уже сами переводы стали классическими. Перевода этого произведения я не встречал, поэтому решил включить в сборник. Редкий оперный певец не имел в своём репертуаре это выдающееся музыкальное произведение.

Неаполитанский танец
(La Danza)

(музыка: Россини – слова: Карло Пеполи,
перевод с неаполитанского диалекта)

Глянь, луна восходит над морем,
Мамма мия, всё выше луна.
Кто без танца жить не может,
Всем, кто любит, в круг пора.

В танец входите смело, ретиво,
Донны мои, бегите сюда!
Прекрасный юноша игриво
Коснётся каждую из вас.

Пока звезда в вышине сияет,
И блестит на небе луна,
Самый красивый с самой красивой
Будут всю ночь танцевать до утра.

Мамма миа, мамма миа,
Глянь, восходит над морем луна!
Мамма миа, мамма миа,
Мамма мия, в круг пора!

В ритме, в ритме, в ритме,
В ритме, в ритме, в ритме,
Мамма мия, до утра!

Вертись волчком, крутись и прыгай,
Пара за парой по кругу идёт,
Круг сжимается и ширится,
Прыгай назад, прыгай вперёд.

Притяни к себе блондинку,
Танцуй с брюнеткой до зари,
С краснощёкой без устали прыгай,
У белокожей в объятьях замри.

Пусть же круг становится шире,
Я – король, я – бестия!
Действо приятное самое в мире,
Самый пик сладострастия!

Мамма миа, мамма миа,
Глянь, восходит над морем луна!
Мамма миа, мамма миа,
Мамма мия, в круг пора!

В ритме, в ритме, в ритме,
В ритме, в ритме, в ритме,
Мамма мия, до утра!

Неаполитанцы, и не без оснований, свой кофе считают самым лучшим. Этому напитку даже посвящена целая песня. В каждой песне-шутке есть доля шутки, а всё остальное – чистая правда. Интересно, что из этой песни Фабрицио Де Андре взял припев для своей известной песни "Дон Раффаэ", слегка его переделав (см. стр. 108).

Кофе
('O ccafè)

(музыка: Доменико Модуньо,
слова Риккардо Пацциалья, 1958,
перевод с неаполитанского диалекта)

Полезно молоко, какао сладко,
Ромашка помогает иногда.
Пиво освежит, вино приятно,
Жажду утоляет нам вода.
Но миллион людей,
Что в Неаполе живут,
Знать это не хотят,
Лишь кофе признают.

Ах, как кофе нравится мне,
Лишь в Неаполе варят так!
Но в чём его секрет –
Не скажет никто никогда.
Сводит с ума аромат,
Весь город пропитан им,
И я в предвкушеньи всегда:
Его запах меня манит.

Едва появился на свет,
Первый крик: "Ме, ме, кофе мне!"
И англичанин забудет про чай,
Если вкус эспрессо узнает.

Ах, как кофе нравится мне,
Лишь здесь так варят его.
И в этом секрета нет.
День-деньской одну за другой
Варят и пьют. Его любят все!

Повод выпить кофе всегда легко найти:
Я предложу тебе, мне предложишь ты.
И не скажут "нет!", так не может произойти.
Моя норма – чашек шесть, а выпил только три!
Но, едва я счёт оплатил, друг
Опять зовет меня: "У-э!
Задержись на пару секунд,
Возьми кофе мне и себе".

Как кофе нравится мне,
Лишь в Неаполе варят так!
Но в чём его секрет –
Не скажет никто никогда.
Сводит с ума аромат,
Весь город пропитан им,
И я в предвкушеньи всегда:
Его запах меня манит.

Едва появился на свет,
Первый крик: "Ме, ме, кофе мне!"
И англичанин забудет про чай,
Если вкус эспрессо узнает.

Ах, как кофе нравится мне,
Лишь здесь так варят его.
И в этом секрета нет.
День-деньской одну за другой
Варят и пьют. Его любят все!

Ещё кофе мне!

Эта песня стала известна у нас, начиная с середины 1960-годов, благодаря пантомиме с зонтиком известного советского мима и жонглёра Бориса Амарантова. Но вариант песни на русском советских времён весьма далёк от смысла оригинала.

Вот она!
(Chella llà)

(авторы: Бертини, Ди Паола, Таккани,
перевод с неаполитанского диалекта)

Я сам себя в оковы заковал.
Теперь же – баста! – я свободным стал!
И стало вновь лазурным небо,
И стало вновь блестящим солнце...
Душа моя от счастия поёт!

Вот она, вот она...
Сказала, что уходит от меня...
Уверена, что с горя я свихнусь,
Кровь закипит, и тут же застрелюсь!

Вот она, вот она...
Не знает, что за радость мне доставит...
Я найду себе другую, чтоб красивее была,
Пусть старой девою
Останется она!

Вчера она прислала пару строчек
Через портье, с гостиницы напротив:
Мол, без меня ей нету мочи,
Мол, помириться хочет очень,
А я своей свободе очень рад!

Вот она, вот она...
Сказала, что уходит от меня...
Уверена, что с горя я свихнусь,
Кровь закипит, и тут же застрелюсь!

Вот она, вот она...
Не знает, что за радость мне доставит...
Я найду себе другую, чтоб красивее была,
И старой девой
Пусть останется она!

Малоизвестная, но весьма актуальная песня Ренцо Арборе.

Почему мы не едем в Америку?
(Pecché nun ce ne jammo in America?)

(Ренцо Арборе, перевод с неаполитанского диалекта)

Там ковбои – хорошо!
Хорошо, хорошо!
Там мустанги – хорошо!
Хорошо, хорошо!
Там хот-доги, ах, как вкусно!
Ах, как вкусно, ах, как вкусно!
Почему?

Синие джинсы – хорошо!
Хорошо, хорошо!
И заливы – так красивы!
Хорошо, хорошо!
Там фаст-фуд – ах, как вкусно!
Ах, как вкусно, ах, как вкусно!
Почему

Мы не едем в Америку, в Америку,
В Америку, в Аме...?
Мы не едем в Америку, в Америку,
В Америку, в Аме...?

Там шерифы – хорошо!
Хорошо, хорошо!
Там салоны – хорошо!
Хорошо, хорошо!
Там попкорн – ах, как вкусно!
Ах, как вкусно, ах, как вкусно!
Почему?

Там джук-боксы – хорошо!
Хорошо, хорошо!
Там неон – хорошо!
Хорошо, хорошо!
Там жвачка – ах, как вкусно!
Ах, как вкусно, ах, как вкусно!
Почему

Мы не едем в Америку, в Америку,
В Америку, в Аме...?
Мы не едем в Америку, в Америку,
В Америку, в Аме...?

Там индейцы – хорошо!
Хорошо, хорошо!
Там бизоны – хорошо!
Хорошо, хорошо!
Там койоты – хорошо!
Хорошо, хорошо!
Почему?

Там полисмены – хорошо!
Хорошо, хорошо!
Там пожарные – хорошо!
Хорошо, хорошо!
Там аптеки – хорошо!
Хорошо, хорошо!
Почему

Мы не едем в Америку, в Америку,
В Америку, в Аме...?
Мы не едем в Америку, в Америку,
В Америку, в Аме...?

Там распахнуты все двери,
Лишь толкни их посильнее.
Ну, а если нет успеха –
На запад дальше можешь ехать.
Мировая гегемония –
Но нет пока своей истории.
Идут войной против ислама
На нефтяные страны.
Там в кино сбылись мечты,
Где счастливчиком – не ты.
Много комиксов, героев.
Много гетто и изгоев.
Там у каждого свобода,
У кого долла́ров много.
Будет дом там и пальто,
Не сейчас пусть, а потом.
Там распахнуты все двери,
Америка,
Лишь толкни их посильнее.
Америка.
Много комиксов, героев.
Америка.
Много гетто и изгоев.
Америка.

Мы не едем в Америку, в Америку,
В Америку, в Аме...!

В песне Пино Даниэле многоликий Неаполь показан с различных сторон, в том числе отражены и негативные моменты жизни города. При переводе я позволил себе отразить то, что видел на его улицах: это – горы мусора, хотя в песне упоминается лишь грязная бумага. На неаполитанском диалекте название города Неаполь звучит, как Напуле, его я и решил оставить в переводе, дабы максимально сохранить мелодику и колорит песни.

Напуле
(Napule è)

(Пино Даниэле, 1977,
перевод с неаполитанского диалекта)

Напуле – тысячи красок,
Напуле – тысячи страхов.
Гомон детских голосов,
Слышен с улиц и дворов,
Знай, ты здесь не одинок.

Напуле – солнце до боли,
Напуле – дыханье моря.
Напуле – мусора горы,
Уберут его не скоро.
И все ждут милости Бога.

Напуле – это прогулки,
По людным, узким переулкам.
Напуле – о нём мечтают,
Во всём мире его знают,
Только всей не знают правды.

Напуле – тысячи красок,
(Напуле – тысячи страхов).
Напуле – солнце до боли,
(Напуле – дыханье моря).
Напуле – мусора горы,
(Уберут его не скоро).
Напуле – это прогулки
(По людным, узким переулкам).
Напуле – о нём мечтают,
(И попасть сюда желают).
Напуле – тысячи красок,
(Напуле – тысячи страхов).
Напуле – солнце до боли,
(Напуле – дыханье моря).
Напуле – мусора горы,
(Уберут его не скоро)…

Пульчинелла – персонаж итальянской комедии дель арте и неаполитанского кукольного театра, известен с XVII века. Во французской версии – это Полишинель. У нас – Петрушка, происхождение которого также связывают с этим персонажем. Пульчинелла – чаще всего весёлый, острый на словцо озорник, хотя и встречается в различных ипостасях. В этой песне Неаполь олицетворяется именно с ним, в противовес негативным сторонам городской жизни – таким, как каморра, коррупция, проблема мусора, хаос на дорогах.

Город Пульчинеллы
(A città ‘e Pulecenella)

(Клаудио Маттоне, 1992,
перевод с неаполитанского диалекта)

По переулкам проведу
Я тебя, ведь ты мой друг.
По кварталам погуляем,
Там, где солнца не видали.
Но видно всё и так подробно,
Ведь распахнуты все окна.
Он прекрасен – несравненный,
Славный город Пульчинеллы!
Он прекрасен – несравненный,
Славный город Пульчинеллы.
Он прекрасен – несравненный,
Славный город Пульчинеллы.

Но остаётся сожалеть:
Гордость всех простых людей
Дни за днями унижает
Кучка разных негодяев –
Те, что совести не знают,
И никого не уважают.
Как, не знаю, засыпают
Каждым вечером в постели.
Как в постели, как в постели,
Каждый вечер засыпают.
Как в постели, как в постели,
Каждый вечер засыпают.

Потом поедем в Марджеллину[1]:
Путь туда не очень длинный.
В пять утра возьмём машину,
Пока улицы пустые.
Всем позволено здесь всё,
Не потому, что можно это,
А потому, что все так едут:
Едут просто всем назло.
Все назло, и всем назло,
Едут просто всем назло.
Все назло, и всем назло,
Едут просто всем назло.

Но остаётся сожалеть:
Гордость всех простых людей
Унижают каждый день,
И за это стыдно мне.
Не можем сделать ничего –
Карамельки лишь сосём.
Красив и сладок, несомненно,
Славный город Пульчинеллы!
Красив и сладок, несомненно,
Славный город Пульчинеллы.
Красив и сладок, несомненно,
Славный город Пульчинеллы.

Красив и сладок несравненный,
Славный город Пульчинеллы.
Красив и сладок несравненный,
Славный город Пульчинеллы.

Мы по жизни – музыканты,
Лучшей доли не желаем,
И поём мы, и играем
Эту нашу серенаду.
Потому, что влюблены,
В место то, где рождены.
Глянь, прекрасен, несомненно,
Славный город Пульчинеллы!

Он прекрасен, несомненно,
Славный город Пульчинеллы.
Он прекрасен, несомненно,
Славный город Пульчинеллы.

---

[1] – район Неаполя

ЭСТРАДА

Итальянская эстрада в 80-х годах XX века пользовалась сумасшедшей популярностью в СССР благодаря советскому радио, фирме грампластинок "Мелодия", и особенно телевидению, по которому показывали ежегодный фестиваль итальянской песни из Сан-Ремо.

Адриано Челентано, Тото Кутуньо, Рикки э Повери, Риккардо Фольи, Аль Бано и Ромина Пауэр, Джанни Моранди, Мильва, Мина... Список любимых нами итальянских исполнителей, кажется, можно продолжать до бесконечности.

Итальянская эстрада необъятна, поэтому в данный раздел включены, прежде всего, тексты любимых автором этой книги песен.

Очень популярная (вот уже четыре десятилетия!) в нашей стране песенка. И всё благодаря стараниям группы "Лицедеи" Вячеслава Полунина.
Интересно, что изначально она была написана на английском языке итальянцем по происхождению, жившим в США. Позже была переведена на многие языки, в том числе на итальянский, перевод с которого и предлагается читателям.

Грустный кенар
(Blu canari)

(Винсент Фьорино, 1953)

Синий кенар сидит на ветке,
Разносит трель свою по ветру.
Грустный кенар, зовёшь напрасно,
Она не вернётся, это ясно.

Все цветочки моего сада
Склонили стебли свои с досады
От грустных слов сего рассказа
Той истории печального расклада.

В сплетеньи веток сосны красиво
Песнь отчаянья под вечер льётся,
Зовя того, кто не вернётся
В гнездо, что им давно забыто.

Синий кенар доверил ветру
Грустные ноты душевной муки.
Синий кенар в лучах вечерних
С тобой я плачу, о, друг моей разлуки.

Синий, синий кенар – пик-пик-пик –
Повторит эхо.
Поёшь иль плачешь – пик-пик –
Доносит ветром.

Песенка впервые прозвучала в Сан-Ремо в 1954 году. У нас стала известна по исполнению в отечественном телесериале "Ликвидация".

Песенка за два сольди
(Canzone da due soldi)

(Карло Донида, Джузеппе Перотти)

Синьоры, прошу вас послушать меня:
Эта простая песенка стоит всего пару сольди.

На старых, узких улочках кварталов оживлённых,
И в полдень знойный и когда угас закат,
Фисгармоника со скрипкою нестройно
Случается, под окнами звучат.
Аккомпанируют певцу, что утомлённо,
Почти задаром поёт песенку для вас.

Эта песенка всего за пару сольди,
Она звучит для вас на улочках окраин,
В душе воспоминанья пробуждая
О юности беспечной временах.

Эта песня прямо в сердце западает,
Нот не много и с обычными словами.
Всегда есть те, кому нужна она,
Напоминая о счастливых временах.

И вот тихонько открывают
Окошки тут и там, я знаю:
Там кто-то есть, кто песню слушает, вздыхая.

Эта песенка простая за два сольди,
Она звучит для вас на улочках окраин,
Тем, кто надеется, и любит, и мечтает
Поёт про вечную историю любви.

Бывает, песенку ценою в пару сольди
Знаменитые артисты исполняют,
Наполняя красотой и новизной.

Её мотив, так может быть,
В оркестрах лучших зазвучит,
И вот тогда её услышит вся страна...

Но, песенка простая за два сольди
Вернётся вновь туда, где родилась,
На узких улочках, слетая с губ влюблённых,
Простая песенка о счастьи и мечтах.

Песенка всего за пару сольди,
Лишь пара сольди за счастие для вас.

Песня об уютном и красивом сицилианском городке. Отсюда можно увидеть сразу два моря – Ионическое и Тирренское, а до вечно дымящей Этны менее 30 км. Песня записана в 1955 году ансамблем "Квартет Четра".

Дремлет Таормина
(Dorme Taormina)

(слова: Дж. Джакобетти, музыка: А.В. Савона)

Дремлет Таормина,
Безмятежна во снах.
Грезит о море,
Светла её мечта.

Запах цветов наполняет
Воздух, и вдалеке
Рыбаки напевают:
"О-э, о-э...".

Рабыня Этны,
Она в тебя влюблена.
Линда, малышка,
Милая Таормина.

Дремлет Таормина,
Безмятежна во снах.
Грезит о море,
Светла её мечта.

Запах цветов наполняет
Утро, и вдалеке
Рыбаки напевают:
"О-э, о-э...".

Вулкана рабыня –
Этна в тебя влюблён.
Ты так красива –
Милая Таормина.

Таормина...

Песня середины 50-х годов XX века, настолько популярная, что перепета на многих языках мира (английский, итальянский, французский, испанский, русский, венгерский, чешский, польский, немецкий, финский...). Данный вариант скомпилирован из переводов двух разных версий, звучавших на итальянском.

Добрый вечер, синьорина
(Buona sera signorina)

(Ди С. Сигман – П. Де Розе, 1956)

Добрый вечер, синьорина, добрый вечер!
Спокойной ночи скажем мы Неаполю.
Пускай он будет нескончаем, этот вечер,
И луну над Средиземным морем встретим.

Утром, синьорина, мы пройдёмся с Вами
Там, где горы и песок усладой взгляду.
У ювелирной лавки остановимся, помедлим,
Чтоб обручальное кольцо я выбрал на ваш пальчик.

И Вы позволите сказать, что я люблю Вас.
Добрый вечер, синьорина, добрый вечер,
Подарите поцелуйчик перед сном.

Добрый вечер, синьорина, добрый вечер!
Красив Неаполь, в нём так хочется мечтать,
Само небо говорит нам: "добрый вечер!",
Луна над Средиземным морем поднялась.

Каждый вечер мы встречаемся, гуляя,
Где гора как будто бы ныряет в море.
И о многом я хочу сказать любимой
В райском уголке, что самый лучший в мире.

И без устали шепчу, что Вас люблю я!
Добрый вечер, синьорина, добрый вечер,
Подарите поцелуйчик перед сном!

Написанная во второй половине 1950-х годов, становится очень популярной к 1958 году. Исполнялась многими певцами, особенно хороша в исполнении Юла де Пальмы. Мелодию именно этой песни напевали герои Инны Чуриковой и Леонида Куравлёва в фильме Глеба Панфилова "Начало".

Как раньше
(Come prima)

(Винченцо Ди Паола, Сандро Таккани – Марио Панцери)

Как когда-то, ночь чудесная пришла,
Рядом ты, и блещет на небе луна.
Я смущён, и понять не могу отчего,
И шепчу тебе, шепчу тебе одно:

Я теперь ещё сильней тебя люблю,
И отдам тебе навеки жизнь свою.
Будто сон, что вновь ласкаю я тебя,
И в моей руке сейчас твоя рука.

Этот мир лишь для тебя и для меня.
Никого я не любил, одну тебя.
Каждый день и каждый миг я тебе хочу твердить:
Буду я ещё сильней тебя любить.

Я теперь ещё сильней тебя люблю.
И отдам тебе навеки жизнь свою.
Каждый день и каждый миг я тебе хочу твердить:
Буду я ещё сильней тебя любить.

До сих пор очень популярная в России песня, благодаря группе "Джипси Кингс" ("Gipsy Kings"), вдохнувшей в неё вторую жизнь. Но всё-таки очень рекомендую послушать её в авторском исполнении Доменико Модуньо.

Лечу!
(Volare)

(Доменико Модуньо – Франко Мильяччи, 1958)

Думал, что детства мечты не вернуть уже, нет.
Я раскрашивал руки свои и лицо в синий цвет.
Но неожиданно был ветром подхвачен,
И ощутил себя в небе бездонном парящим.

Лечу я, о-о!
Пою я, о-о-о-о!
В небе синем, раскрашенный синим,
Счастлив плыть в вышине наяву.

И лечу, и лечу
И так счастлив, уже выше солнца, всё выше лечу,
И весь мир подо мной тает медленно где-то внизу...
Эта музыка счастья звучит лишь для меня.

Лечу я, о-о!
Пою я, о-о-о-о!
В небе синем, раскрашенный синим,
Счастлив плыть в вышине наяву.

Но все мечты угасают, увы, на заре,
И луна их с собой заберёт, растворясь в синеве.
Но продолжаю мечтать в твоих чудных очах,
Цвета синего неба они, и в них звёзды горят...

Лечу я, о-о!
Пою я, о-о-о-о!
В глазах синих, бездонных твоих,
Навсегда б остаться мне в них.

И продолжаю лететь, счастлив я,
Выше солнца, всё выше лечу,
И с миром растаять в очах твоих синих хочу.
Голос твой словно музыка счастья звучит для меня...

Лечу я, о-о!
Пою я, о-о-о-о!
В глазах синих, бездонных твоих,
Навсегда б остаться мне в них.
В глазах синих, бездонных твоих,
Навсегда б остаться здесь в них
С тобой…

Слова следующей песни весьма поэтичны и самодостаточны, что бывает не так часто с текстами песен. Впервые исполнена в Сан-Ремо в 1959 году. Входила в репертуар таких исполнителей, как Юла де Пальма, Мина и др. Но, на мой взгляд, одна из самых удачных музыкальных интерпретаций этой песни принадлежит Петре Магони и Ферруччо Спинетти (Petra Magoni, Ferruccio Spinetti – Musica Nuda), очень деликатно и проникновенно озвучивших это произведение.

Никто, никогда
(Nessuno)

(муз: Эдилио Капотости, Витторио Маскерони,
слова: Антоньетта Де Симоне)

Мы смотрим на мир одинаковым взором.
Твой голос с моим – одинаковым эхом.
Мы – два крыла одного полёта.
Мы – свет одной, великой любви.

Никто, никогда – я клянусь,
Даже злая судьба
Нас не разлучит.
Потому, что любовь,
Что небо даёт,
Всегда будет жить.

Никто, никогда, я клянусь,
Не сможет мне подарить
Как ты – свою жизнь,
Бесконечную радость
Быть рядом с тобой,
Только с тобой.

Ведь ты –
Мой источник любви,
Только ты –
Что было и будет.
Весь мой мир
Начинался с тебя,
Завершится тобой.

Никто, никогда, я клянусь,
Даже злая судьба
Нас не разлучит.
Потому, что любовь –
Это наша звезда.
Навсегда.

Одна из самых популярных итальянских песен не только у слушателей, но и у исполнителей – кто её только не пел: Фред Бускальоне, Мильва, Лучано Паваротти, Муслим Магомаев, Марино Марини, Петра Магони... Исполняемая в переводе, почему-то воспринимается мною, как наша дворовая песня из 70-х годов.

Ах, что за луна!
(Guarda che luna)

(авторы: Вальтер Мальгони – Бруно Паллези, 1959)

Ах, что за луна! Ах, что за море!
Меня ты бросила навеки мне на горе.
От безумной любви хочу умереть,
Луна одна увидит пусть любви моей смерть.

Останется лишь сожаленье прощанья,
Ведь я согрешил, увы, тебя так сильно желая.
Как ты говорила – всегда буду помнить:
– Ах, что за луна! Ах, что за море!

Ах, что за луна! Ах, что за море!
Меня ты бросила навеки мне на горе.
От безумной любви хочу умереть,
Луна одна увидит пусть любви моей смерть.

Ах, что за луна! Ах, что за море!
Меня ты бросила на веки мне на горе.
Но тебе бы хотел тот наш вечер напомнить:
Ах, что за луна тогда была! Ах, что за море!
Какая луна! Какое море!
Какая луна!

Прозвучала в Сан-Ремо где-то в начале 60-х годов XX века. Текст этой незатейливой, в общем-то, песни включил в сборник исключительно ввиду её забытости всеми, судя по полному отсутствию информации в интернете. Оригинал этой песни можно послушать на моём сайте или перейдя по ссылке с заглавия.

Прости меня
(Perdonami)

(авторов и исполнителя установить не удалось)

Я вижу – уходишь,
Сегодня ты уходишь навсегда.
Но знай же, сердце ранишь себе,
Себе, и мне – нам.

Прости, не понимала я
Тебя, когда ты был рядом со мной,
Но ты не плачь, но ты не плачь,
Верю, найдёшь кого-то лучше меня.

Где же, как, когда
Смогу я снова
Найти любовь свою?
Иль никогда не найду?

Я вижу – уходишь
Из жизни моей навсегда.
Прости меня, прости меня,
Я не смогла удержать тебя
Рядом со мной.
Но ты не плачь, но ты не плачь,
Найдёшь однажды ту, что лучше меня.

Прости меня, прости меня,
Я не смогла удержать тебя
Рядом со мной.
Но ты не плачь, но ты не плачь,
Верю, найдёшь кого-то лучше меня.

Итальянская эстрадная песенка из далёких 60-х больше похожа на нашу бардовскую тех же времён.

Бактриан и дромедар
(Il cammello e il dromedario)

(автор: Антонио Вирджилио Савона, 1963)

Как-то раз в пустыне двое встретились,
И друг друга невзначай приметили.
Один – богатый дромедар[1], другой – бедный бактриан[2].
И раскланялись, а-а, пошли далее, а-а,
Но вдруг замерли, а-а, да призадумались, а-а,
И обернулись, и вновь взглянули,
И дромедар вот так сказал:

Ну, отчего,
Два горба у тебя, лишь один у меня? Отчего
С дюны гордо глядишь? Отчего
Всё жуёшь и молчишь?
Ты продай мне один!
Коль отдашь его – озолочу!

А бактриан в средствах был стеснённым,
На миг решился провиденью быть покорным,
Но на горбы свои взглянул, прослезился и вздохнул.
И призадумался, а-а, и обернулся вновь, а-а,
И покачал главой, а-а, потом поднял глаза, а-а,
И взгляд спокойным стал, и глубоко вздохнул,
И дромедару так сказал:

Знаешь, что?
Останусь я с двумя горбами, ты с одним оттого,
Что дела нет до злата твоего, оттого,
Что хоть беден, но красив я и силён.
И с дюны он
Послал привет, качнул горбами, и ушёл!

И повелось засим: что бактриан о двух горбах,
А дромедар, а дромедар – всегда с одним!

_____

[1] – дромедар – одногорбый верблюд
[2] – бактриан – двугорбый верблюд

Песня вышла в свет в 1965 году в составе альбома "Il Peperone/Nei paesi latini" и выделяется своей необычной пляжной тематикой.

Обгорела!
(Il peperone)

(Эдуардо Вианелло – Карло Росси, 1963)

Обгорела, обгорела, обгорела, обгорела!

С тех пор, как на пляже, на пляже загораешь,
Перчиком красным жжётся кожа, облезаешь.

Омыта водою, водою солёной,
Обласкана ветром, веющим с моря,
На солнышке жаришься ты под шелест прибоя все дни.
Чтоб загореть, себя мажешь кремами,
Но кожа сильней, и сильней обгорает,
И руки, и ноги, и плечи, и нос облезают твои.

С тех пор, как на пляже, на пляже загораешь,
Перчиком красным жжётся кожа, облезаешь.

Теперь и в тени, твоё тело так жжётся,
Что и при луне снять боль не удаётся:
Как только хочу приобнять – кричишь ты и плачешь.
Были раньше твои бархатистыми губы,
Теперь же потрескались, и вот я целуюсь
Как будто с крапивой, выжженной солнцем палящим.

С тех пор, как на пляже, на пляже загораешь,
Перчиком красным жжётся кожа, облезаешь.

Как упоминалось в предисловии, это моя самая первая, переведённая с итальянского, песенка. Исполнялась группой "Ricchi e Poveri" ("Богатые и бедные").

Матушка Мария
(Mamma Maria)

(Кристиано Минеллоно – Дарио Фарина, 1982)

Белый кот с голубыми глазами,
На телевизоре ваза с цветами,
В воздухе запах горящих свечей,
Две щёчки розовых, как яблочки у ней.

Ей не страшен мороз любой,
Она умеет быть озорной,
Умеет в звёздах судьбу читать,
И лишь хорошее тебе нагадать.

Ма-ма-ма, мамма Мария ма,
Ма-ма-ма, мамма Мария ма,
Ма-ма-ма, мамма Мария ма,
Ма-ма-ма, мамма Мария ма.

В этой жизни что меня ждёт?
Очень хочется стать королём,
Американка-блондинка в меня б влюбилась,
А нет – так в лягушку бы превратилась.

Я в кресле ёрзаю от любопытства,
Позволь немного правде открыться,
Хочу я знать, эта любовь
Будет ли искренней? – тайну открой.

Ма-ма-ма, мамма Мария ма,
Ма-ма-ма, мамма Мария ма,
Ма-ма-ма, мамма Мария ма,
Ма-ма-ма, мамма Мария ма.

Не имею ни лиры, но, право, хотел бы,
Купив, подарить ей синее небо
Дай немного фортуны, прошу,
И тогда вместе с небом куплю и луну.

Ма-ма-ма, мамма Мария ма,
Ма-ма-ма, мамма Мария ма,
Ма-ма-ма, мамма Мария ма,
Ма-ма-ма, мамма Мария ма.

В 1982 году эта песня в исполнении Риккардо Фольи занимает первое место на фестивале в Сан-Ремо.

Обычные истории
(Storie di tutti i giorni)

(Риккардо Фольи, Гвидо Морра, Маурицио Фабрицио, 1982)

Истории обычные, как мы,
Дискуссии стары, и споры мелки,
В беседах долгих на скамейках
В ожидании счастливого конца.
Истории про нас, простых людей,
Что все в делах, чтоб не влюбляться ни в кого:
Жизнь бесконечна, и полна больших идей.

Ещё один уходит день,
Часы показывают вечность без пяти,
Для тех, кто так же, как и мы,
Всю жизнь бегут, застряв на полпути.
Ещё один проходит день,
В любви не столь великой, как бы мы могли, увы.

Истории, как бывшие друзья,
Что обойдут, завидев издали тебя.
Истории, что так не любят шум,
Как комната, закрытая на ключ.
Истории, где будущего нет,
Как точка малая, что на большой стене,
И где начертана всего лишь пара строк
Той женщине, что больше не придёт.

Ещё один уходит день,
Не интересен ты, усталый человек
Для тех, кто так же, как и все,
Без значимых побед, но, впрочем, и без бед.
Ещё один проходит день,
В любви, не столь прекрасной, как бы нам хотелось, увы.

Истории, как дым от сигарет,
В укромном месте, как всегда, наедине
С одной лишь ночью, что не проходит, нет.

Ещё один уходит день,
Забытый всеми в повседневной суете,
Для тех, кто так же, как и все
Не изменили и не изменят ничего.
Ещё один проходит день,
В любви, что всё ж не так сильна, как нам хотелось, увы.

Песня группы "Матиа Базар" о Риме была очень популярна в 80-е годы прошлого столетия. Впервые исполнена на фестивале в Сан-Ремо в 1983 году.

Римские каникулы
(Vacanze romane)

(Джанкарло Гольци – Карло Маррале)

Рим, ну где же ты? Ты был со мной...
Ты, о тюрьма моя! Твой заключённый – я.
Вечный город Рим,
Столетий прошлых дым,
Тебе не до меня,
Но покидать, поверь, тебя очень жаль!

Над тобой плачет небо дождём,
В суете стонет сердце твоё.
Имперский блеск салонов, кафе,
Но уж давно на дверях твоих нету колец…
Пой же со мной, дольче вита, прощай!
Волнами Тибра уносится вдаль
Скрипок звучанье и светская жизнь –
Твой аромат каникул римских.

Рим, ты так красив в мечтах своих!
Асфальт блистающий, "Арриведерчи, Рим!"
Монетка летит, вуаля:
Кто вернётся, кто – никогда.
Свою роль играть продолжай, но только знай,
Покидать тебя очень жаль!

Тщеславен, ты – Грета Гарбо.
В суете стонет сердце твоё.
Имперский блеск салонов, кафе,
Но уж давно на дверях твоих нету колец…
Пой же со мной, дольче вита, прощай!
Террасы дель Корсо уносятся вдаль,
"Весёлая вдова" и из лучших кафе
Твой аромат каникул римских...

Всегда думал, что такое неоднозначное отношение к интеллигенции свойственно только нашему обществу, но... Единственно, с чем не согласен в этой песне – что болезнь излечима. У нас, во всяком случае.

Интеллигенция
(Intellighenzia)

(Matia Bazar, 1983)

Интеллигенция:
Эксклюзивность,
Чрезмерность,
Бесполезность.

Интеллигенция:
Экспансивность,
Гомогенность,
Дальновидность.

Интеллигенция:
Галантность,
Аристократичность,
Сверхэлегантность.

Интеллигенция:
Формальность,
Разрушительность,
Ненормальность.

Интеллигенция:
Болезнь излечима.
Интеллигенция:
Болезнь излечима.

Интеллигенция:
Ваша Священность,
Вера, надежда,
Гомофилия.

Интеллигенция:
Еретичность,
Упёртость,
Деструктивность.

Интеллигенция:
Болезнь излечима.
Интеллигенция:
Болезнь излечима.

Насколько мне известно, песня любима не всеми итальянцами, но это не мешает ей быть очень популярной во всём мире и у нас.

Итальянец
(L'Italiano)

(Тото Кутуньо – Кристиано Минеллоно, 1983)

Дайте мне песню спеть,
И в руки взять гитару.
Я не могу не петь,
Я – итальянец!

День добрый, Италия, со спагетти аль денте,
И с партизаном в роли президента[1],
И с магнитолою в правой руке[2],
И с канарейкою на окне.

День добрый, Италия, и твои артисты,
Американские повсюду афиши,
Любовь, и песни, и сердца большие,
Всё больше донны, и всё меньше святые.

День добрый, Италия, день добрый, Мария[3],
С глазами полными меланхолúи.
День добрый, Боже,
Ты знаешь, я живу здесь тоже.

Дайте мне песню спеть,
И в руки взять гитару.
Дайте мне песню спеть и тихо и душевно.
Дайте мне песню спеть,
Я горд и счастлив тем,
Что итальянец!
Настоящий итальянец!

День добрый, Италия, что ничего не боится,
С кремом ментоловым так любит бриться,
В полоску белую в костюме синем,
И по ТВ с воскресным кинофильмом.

День добрый, Италия, с кофе ристретто,
С чулками в ящике комода верхнем,
С фанатским флагом в химической чистке,
С "Фиатом" шестисотым в вечной починке[4].

День добрый, Италия, день добрый, Мария,
С глазами полными меланхолúи.
День добрый, Боже,
Ты знаешь, я живу здесь тоже.

Дайте мне песню спеть,
И в руки взять гитару.
Дайте мне песню спеть и тихо и душевно.
Дайте мне песню спеть,
Я горд и счастлив тем,
Что итальянец!
Настоящий итальянец!

[1] – в год написания песни президентом Италии был Алессандро Пертини, партизанивший в годы Второй мировой войны.
[2] – Магнитолы в те времена стоили недёшево, и, чтобы их не украли, никогда не оставляли в машине.
[3] – Имеется в виду Пресвятая Дева Мария, особо почитаемая в Италии.
[4] – "Фиат" 600-й серии послужил прототипом для наших "горбатых" "Запорожцев", которые тоже стояли у нас во дворах,
постоянно разобранные и чинимые.

Песня посвящена величайшему итальянскому тенору Энрико Карузо (1873-1921). Карузо – родом из Неаполя. В 1903 году, уже будучи всемирно известным певцом, уехал в Америку, где долгое время был ведущим солистом театра "Метрополитен-опера" (Нью-Йорк). Вернулся на родину в 1921 году. Песня написана Лучо Далла в Сорренто, в той самой гостинице и в том самом номере, где Карузо останавливался незадолго до своей смерти. Сотрудники отеля рассказали Лучо о последних днях жизни тенора и его чувствах к девушке, которой он давал уроки пения в этой самой гостинице. Услышанное вдохновило Лучо Далла на создание своего лучшего произведения. Песня особенно хороша в исполнении другого выдающегося тенора Италии – Лучано Паваротти.

Карузо
(Caruso)
(Лучо Далла, 1986)

Там, где море сверкает под порывами ветра,
На старой террасе над заливом Сорренто
Мужчина девушку обнимает и утешает,
Пробует голос, и петь начинает:
Люблю тебя, страдаю!
Так очень-очень сильно, знай.
И эта мука – рай,
Мне согревает сердце, знай.

Видишь лунные блики среди моря?
Я мечтал о них ночами в Америке.
Но видел лишь свет неона
И пену от кораблей у чужого берега.
И изливал свою боль в музыке слов,
То чуть слышно, то громко,
И выходила луна из облаков,
И становилось сердцу невыносимо горько.

И заглянет девушке в глаза,
И увидит в них моря зелёный цвет,
И вдруг покатится слеза,
И он утонет в ней.
Люблю тебя, страдаю!
Так очень-очень сильно, знай.
И эта мука – рай,
Мне согревает сердце, знай.

Сила поэзии лирики,
Где драма – фальшь и подделка,
Где макияж и мимика
Тебя делают другим человеком.
Но глаза, что глядят на тебя –
Настоящие и близкие,
Заставляют забыть слова
И путают мысли.

И всё становится мелким,
Даже бессонные ночи в Америке,
И видит чреду прожитых дней
В пене от кораблей у чужого берега.
Увы, жизнь скоротечна,
Но эти мысли отгоняет,
Счастлив он в этот вечер
И петь продолжает:

Люблю тебя, страдаю!
Так очень-очень сильно, знай.
И эта мука – рай,
Мне согревает сердце, знай.

Известная песня в исполнении Аль Бано и Ромины Пауэр.

Свобода
(Libertà)

(Аль Бано Карризи, 1987)

Он ушёл, и его растворила вечерняя синева.
В своём сердце унёс свой секрет он, наверное, навсегда.
Средь улиц пустых и дворов не ищи ты его, не зови,
И сколько ради неё не вернётся их никогда!

Свобода! Сколько пролито слёз о тебе!
Без тебя боль и одиночество.
До тех пор, пока будет смысл жить,
Буду жить, чтоб достичь тебя!

Свобода! Рвётся в небо моя душа,
Чтоб от радости петь, обретя тебя.

Есть в мире боль и право сильных убивать детей.
С каждым днем цинизма всё больше
По отношению к униженным.
Но во мраке рождается солнце,
И в душах бесправных людей
Из молчанья твой голос воспрянет
В их сердцах, ждущих тебя!

Свобода!
Сколько было слёз о тебе.
Без тебя боль и одиночество.
До тех пор, пока будет смысл жить,
Буду жить, чтоб достичь тебя!

Свобода!
В мире больше не будет слёз!
Без тебя столько одиночества!
До тех пор, пока будет смысл жить,
Буду жить, чтоб достичь тебя!

Песня, написана на двух языках – итальянском и испанском. Заводная вещь в исполнении неподражаемого Тонино Каротоне, принёсшая ему известность в Италии.

Проклятая любовь!
(Me cago en el amor)

(Тонино Каротоне, 1999)

Этот жестокий мир!
Эта сумасшедшая жизнь,
Где счастье одномоментно,
А будущее туманно.
Огонь и вода,
Согласие и спокойствие,
Соната ветра.
Наша маленькая жизнь,
Наше огромное сердце.

Мы верим зачем
В верность любви?
Коль не понимают,
И не принимают,
Таких, какие мы.

Мы верим зачем
В верность любви?
Когда предадут,
Когда от нас уйдут,
В наш самый лучший миг.

Мы знаем, увы,
И ты и я,
Наверно, это правда:
Ты не виновата,
Лишь любовь одна.

Этот жестокий мир!
Эта сумасшедшая жизнь,
Где счастье одномоментно,
А будущее туманно.

Утешить не могу
Сердце моё,
Хоть нет сомнений,
Хоть я уверен –
Должен забыть её.

Я не хочу сгубить
Чувство моё,
Ведь я люблю её,
Я хочу её,
Пусть даже через боль.

Я не хочу страдать,
Но всё же вновь и вновь
Я от любви страдаю,
Другого не желаю,
Проклятая любовь!

Этот жестокий мир!
Эта сумасшедшая жизнь,
Где счастье одномоментно,
А будущее туманно.
Огонь и вода,
Согласие и спокойствие,
Соната ветра.
Наша маленькая жизнь,
Наше огромное сердце.

Мы верим зачем
В верность любви?
Коль не понимают,
И не принимают,
Таких, какие мы.

Мы верим зачем
В верность любви?
Когда предадут,
Когда от нас уйдут,
В наш самый лучший миг.

Мы знаем, увы,
И ты и я,
Наверно, это правда:
Ты не виновата,
Лишь любовь одна.

Я не хочу страдать,
Но всё же вновь и вновь
Я от любви страдаю,
Другого не желаю,
Проклятая любовь!
Проклятая любовь!
Проклятая любовь!
Проклятая любовь!
Жизнь моя!

Современная песенка рубежа XX – XXI веков от группы "Тупамарос", про итальянскую зиму. Практически, всё как у нас зимой: сумрак, промозглость и унылость...

Колыбельная тумана
(Ninna nanna della nebbia)

(Тупамарос, 2000)

Когда солнце заходит в четыре,
И небо над нами цвета свинца,
Возвращение выглядит бегством,
Капитуляцией перед... ТВ.

Когда время, чтобы поспать
Это – всё время, что нам остаётся,
Глаза закрываем, закрываем сердца,
Ну что ж, доброй ночи вам от меня!

Колыбельная тумана,
Суеты, пожирающей жизнь.
Колыбельная наших дней
Для тех, кто ещё дожидается лета.
Колыбельная тумана,
Колыбельная для нас.

Очередь призраков на остановках,
Билеты в руках – компостерам дань.
Кончен день, возвращаясь назад,
Едем домой, и каждый вечер вот так...

Но, подводя итоги счетам,
Скажем: "что ж, это жизнь!",
С благодарностью Господу Богу,
Смотрящему так спокойно оттуда…

Колыбельная тумана,
Суеты, пожирающей жизнь.
Колыбельная наших дней
Для тех, кто ещё дожидается лета.
Колыбельная тумана,
Колыбельная для нас.

Колыбельная тумана,
Колыбельная для нас.
Колыбельная тумана,
Колыбельная для героев…

Адриано Челентано

(родился в 1938 году)

Наверное, самый известный не только у нас, но и во всём мире итальянский певец. Целая эпоха итальянской эстрадной песни. Музыкант, автор песен, киноактёр, телеведущий. Его творческий путь начался ещё в 50-е годы XX века, и, перешагнув вековой рубеж, уверенно вступил в век XXI-й.

Карьеру музыканта Адриано начинал с исполнения рок-н-ролла, популярность которого во всём мире в то время была невероятной. Первым исполнил рок-н-ролл на итальянском. Начал сочинять собственные песни. Стал солистом рок-группы, в состав которой также входили упоминаемые в данной книге Луиджи Тэнко и Джорджо Габер.

Душа Италии, Адриано выражает чаяния, устремления и мироощущение итальянского народа. Уникальный случай, когда влияние певца на итальянское общество порой гораздо больше, чем самых влиятельных политиков. Занимая активную жизненную позицию, Челентано выступает в защиту окружающей среды, культурного наследия, и никогда не боится критиковать власти.

Ко всему вышесказанному следует добавить, что Адриано глубоко верующий человек (католик) и прекрасный семьянин.

Привет, друзья, привет!
(Ciao ragazzi ciao)

(слова: Мики Дель Прете, Могол, Детто,
музыка: Адриано Челентано, 1964)

Привет, друзья, привет!
Привет, друзья, привет!
Почему не рады вы,
Ведь снова к вам ваш друг пришёл!

Привет, друзья, привет!
Привет, друзья, привет!
Хочу сказать я вам,
Хочу сказать я вам,
Чтоб вы обняли меня,
Потому, что, наконец,
Я могу обнять всех вас!

Привет, друзья, привет!
Привет, друзья, привет!
Только знаете ли вы,
Только знаете ли вы,
В этом мире кто-то есть,
Тот, кто молится за нас,
Не печальтесь, знайте, что,
Он заботится о нас.

Он скажет: "чао, друзья мои!"
И вы со мной скажите: "чао!", друзья мои,
Скажите: "чао!"

И тогда мой голос станет,
И тогда твой голос станет
Тысячами голосов,
Тысячами голосов,
Все поют вместе со мной,
Мы поём вместе с тобой.

Привет, друзья, привет!
Привет, друзья, привет!
Хочу сказать я вам,
Хочу сказать я вам,
Чтоб вы обняли меня,
Потому, что, наконец,
Я могу обнять всех вас!

Злободневные темы, звучавшие в старых песнях Адриано, актуальны до сих пор – будь то политика, экология или место маленького человека в современном мире.

Мир в тональности "ми"
(Mondo in mi 7a)

(сл. Могол, Мики Дель Прете, Лучано Беретта,
муз. Адриано Челентано, 1964)

Покупаю газету, читаю и что ж?
Справедливости в мире нет ни на грош.
В самом деле мир настолько плох?
Да! И мы готовы разрушить
До основанья вершину созданья, до самого неба,
До неба, до неба!
Ай-яй-яй-яй-яй-яй-яй-яй!
Ай-яй-яй-яй-яй-яй-яй-яй!…

Читаю, и что? На этой земле
Всегда есть место новой войне,
Но, однако, вот фортуна!
Ходим запросто по Лу́нам,
В то время как здесь голодают, голодают!
Ай-яй-яй-яй-яй-яй-яй-яй!
Ай-яй-яй-яй-яй-яй-яй-яй!…

Атомная бомба мне напоминает шар,
А все мы – только кегли,
По капризу политикана-дурака.
Кого же выбьют первым?
Иль ограбят в понедельник,
Иль убьют в другие дни,
Про наше общество – не буду:
Лицемерие повсюду.
Позабыли о морали,
У всех сплошные компле́ксы,
Проблемы, связанные с сексом.
И тех немногих честных,
Что в угоду не врут,
Увольняют с работы и там и тут.
Миром правят ложные идеи,
Лучший фильм, где большее число убийств,
Поглощаются тоннами пошлые книги,
Продажно всё, в том числе спорт.

Ну-у, ребята!
Не надо грустить!
Нико! Чего плачешь?
Э-э-э! Мы ещё очень даже ничего!
И надо ещё посмотреть, действительно ли в мире
Творятся все эти вещи?
И потом, вы же знаете, что
Газеты всегда немного преувеличивают.
Вы только посмотрите, что тут про меня написано!
И вообще, давайте-ка возьмём газету,
Кто знает, сколько ей лет?
Ну-ка, глянем на дату:
Х-м… сегодня!

Но если дружно вместе
В мощный клан объединимся,
То изменим этот мир,
Если мы протянем руку,
Тем, кому так это нужно,
Миром будет править любовь, только любовь,
Только любовь… Ай-яй-яй!…

Текст песни написан друзьями Челентано про дни его детства. Улица Глюка находится в Милане, рядом с центральным железнодорожным вокзалом (Stazione Centrale) и идёт параллельно путям. Теперь она застроена городскими домами и никаких лугов там уже давно нет...

Парень с улицы Глюка
(Il ragazzo della via Gluck)

(слова: Мики Дель Прете и Лучано Беретта,
музыка: Адриано Челентано, 1966)

Это история такого, как я.
Он тоже родился на улице Глюка,
В доме за городом, в тихом районе,
Где люди спокойны и работящи.

Теперь город там, где ещё вчера цвели луга,
И домик средь зелени, где он теперь?
Исчез навсегда!

Этот парнишка с улицы Глюка
Часто играл со мной во дворе,
И однажды сказал: "Я еду в город...",
И был печален, и слёзы текли.
Я спросил его: "Друг, от чего ты не рад?
Ведь столько удобств в больших городах!

Там у тебя будет то, чего не было здесь.
И умываться ты сможешь в доме, не во дворе".

"Друг мой, – ответил он, – я здесь родился,
И на улице этой останется сердце.
Но как же ты не можешь понять,
Как вам повезло, что вы остаётесь
Играть босиком на зелёных лугах,
Мне же придётся пылью дышать.

Но, верю, день придёт, и я снова вернусь сюда,
И вновь прокричит мой поезд из детства: "Уа-уа!"

Прошло восемь лет, что тянулись так долго,
Он возмужал и сделал карьеру.
Но не забыл первый свой дом,
И теперь при деньгах – купить его может.

Но здесь уже нет его прежних друзей,
Лишь большие дома, асфальт и цемент.
Там, где ещё вчера была трава, сейчас дома,
И тот дом, утопающий в зелени, где он теперь?
Исчез навсегда!

Я не знаю, не знаю зачем
Всё строят, и строят,
И строят, и строят дома,
Там, где раньше росла трава,
Где росла трава, росла трава, росла трава.

И если мы будем продолжать делать так,
Кто знает – что станет, кто знает…

Одна из самых популярных песен Адриано Челентано. До сих пор очень любима и у нас.

.

Синева
(Azzurro)

(Паоло Конте – Вито Паллавичини, 1968)

Ждал целый год я это лето,
И наконец-то пришла жара.
Ты нежишься на пляже,
А я брожу по городу без сна,
И только слышу свист самолетов,
Они летят туда, где моря синева.

Лазурный, сегодня день такой лазурный,
И долгий для меня.
Скучаю и без тебя мне не прожить,
Наверно, и дня.
И я готов всё бросить и, прыгнув в поезд,
Мчаться к тебе.
И поезд моих желаний
В моих мечтах спешит навстречу мне!

Воскресную вспоминаю школу,
Куда ходил я много лет назад.
Тогда в хорошую погоду
Любил один я во дворе гулять.
Теперь скучаю в одиночку,
И нету падре, чтоб поболтать.

Лазурный, сегодня день такой лазурный,
И долгий для меня.
Скучаю и без тебя мне не прожить,
Наверно, и дня.
И я готов всё бросить и, прыгнув в поезд,
Мчаться к тебе.
И поезд моих желаний
В моих мечтах спешит навстречу мне!

Нашёл в саду Африки немного,
Где олеандры и баобаб,
Как это делал я ребенком,
Теперь уже так много лет назад.
Здесь расцветают твои розы,
Но только льва тут почему-то нет...

Лазурный, сегодня день такой лазурный,
И долгий для меня.
Скучаю и без тебя мне не прожить,
Наверно, и дня.
И я готов всё бросить и, прыгнув в поезд,
Мчаться к тебе.
И поезд моих желаний
В моих мечтах спешит навстречу мне!

Песня исполнялась разными певцами. Одна из самых известных версий – в исполнении Адриано Челентано.

Ласка в кулаке
(Una carezza in un pugno)

(Джино Сантерколе – Лучано Беретта, Мики Дель Прете, 1968)

И даже в полночь, знай, мечтаю о тебе.
Моя, всегда моя, где б ни был.
Подушку трогая руками,
Ищу твое лицо,
Что вдруг красиво явится из тени.

Мне кажется, срываю звёздочку средь неба,
Не будешь боле ты далёко,
И засверкаешь ты в моей руке.

Но не хочу, чтоб ты в ноль часов ноль три
Имела бы уже в мечтах другого.
Мне кажется – я брошен, и вот моя рука,
Где раньше ты сияла,
Сжимается в кулак, ты знай.

Так плохо, как сейчас, было ли когда?
И полночь вновь придёт сомнений.
Если и правда любишь ты меня,
Хотя бы полчаса подумай обо мне.
И из кулака, что сжат, опять родится ласка.

Подушку трогая руками,
Ищу твое лицо,
Что вдруг красиво явится из тени.

Но не хочу, чтоб ты в ноль часов ноль три
Имела бы уже в мечтах другого.
Мне кажется – я брошен
И вот моя рука, где раньше ты сияла,
Сжимается в кулак, ты знай.

Так плохо, как сейчас, было ли когда?
И полночь вновь придёт сомнений.
Если и правда любишь ты меня,
Хотя бы полчаса подумай обо мне.
И из кулака, что сжат, опять родится ласка.

Песня из одноимённого кинофильма. В некотором роде блатная в нашем понимании, так как речь в ней идёт о воровской чести. Вошла на пластинку, выпущенную в СССР фирмой "Мелодия" в 1976 году. Редкий случай, когда художественный фильм снят по мотивам песни, а не песня написана для фильма.

История любви и ножа
(Una storia d'amore e di coltello)

(слова: Серджо Карбуччи, музыка: Джино Сантерколе, 1971,
перевод с романского диалекта)

"Есть вещь важнее, чем любовь", –
Я начертал в своей судьбе
Наколкой на руке.
Есть вещь другая, поважнее,
Лишь для неё живут,
Ради неё умрут.

Мужчина гордый ради чести,
Не пожалеет своё сердце,
Всё потому, что жизнь – не жизнь,
Когда ты можешь жить,
Чести не храня.
Ты знаешь, как тебя люблю,
Но остаться не могу,
И ухожу, скорбя.

Я вернусь,
И больше не уйду.
И с тобой жить буду, как король.
Но, коль ты боле не увидишь меня,
Знай, что я сделал это ради тебя.

Солнце медленно садится,
Становится темнее,
И всё во мраке тает.
И лишь в груди не исчезает
Та мука, что терзает,
То пламя, что сжигает.

Прошу, прости меня за боль,
Боль расставанья и страданья!
Любовь моя, люблю тебя,
И хоть душа рыдает,
Смириться должен я.
И лишь тихонько приласкаю,
Что б не будить тебя:
Мне уходить пора.

Я вернусь,
И больше не уйду.
И с тобой жить буду, как король.
Но, коль ты боле не увидишь меня,
Знай, что я сделал это ради тебя.

Вот такая история
(Una storia come questa)

(Мики Дель Прете – Канарини, 1971)

Все друзья мне говорили: "Как не видишь:
Вышла замуж за тебя не по любви!"
"Притворяется хорошей,
Просто хочет жизнь устроить!" –
Всё друзья мне говорили.

Я на них, конечно, злился,
Говорил им, что: "Вы – свиньи, разве нет?
Вы завидуете просто,
И не видите, что искренна она...
Но даже если вышла лишь за мои деньги,
Вам-то что с того?"

Но что у вас в ваших сердцах,
Друзья вы, лучшие мои?
Всё твердите мне, не зная:
Мне не важна её любовь,
Лишь хочу, чтобы всю жизнь
Она была рядом со мной,
И я всегда буду любить её.

Ей так нравились бриллианты,
Только норковые шубы,
Ей так нравились подарки.
Наконец, её капризы
Мне очистили карманы,
Я остался на мели.

Говорила: "Что ты ждешь?
На панель идти ль теперь мне? Знаешь, что:
Ведь мужик тот, кто рискует
Попытай судьбу, не бойся", только вот...
Ограбленье вышло плохо –
Подвело на повороте колесо.
И когда меня забрали,
Рядом с ней стоял мужчина.
Видел – были они вместе.
И когда меня забрали,
Я увидел её руки –
Что держали его руки, и она
Не обернулась на мой стон.

А в тюрьме был сущий ад,
Там я много чего понял,
У меня чесались руки.
Но и сердце разрывалось
От безмерной к ней любви,
И я решил простить ей всё.

День настал, и вот я вышел,
И она мне заявила: "делинквент[1]!"
В миг в глазах всё потемнело,
Я схватил её за горло, и всё сильней
Сжимал его.
И глаза её, на выкате, большие...

И когда меня забрали,
Её руки были белы,
И холодной была кожа.
Я смотрел, не понимая,
И когда меня забрали,
Были белы её руки,
И была холодной кожа.
Помню, поезд был в тумане,
И когда меня забрали,
Был туман её холодный,
И был поезд её белый.
И учительница била,
И когда меня забрали,
Меня учительница била,
Туман, поезд, кожа бела,
И учительница, холод,
И когда меня забрали, было бело...

---

[1] – Субъект, чьё поведение характеризуется нарушением юридической нормы, или носит противоправный характер.

Под простынями
(Sotto le lenzuola)

(Адриано Челентано, Беретта, Дель Прете, 1971)

Я изменил ей прошлой ночью,
Домой вернулся только в пять.
Тихонечко залез под простынь,
Чтоб сна её не прерывать.
Но абажур возле постели,
Зажёгся вдруг, как и её глаза.
Она взглянула, я промолчал,
И как Иуда – поцеловал.

Я не играл этой ночью в покер,
С её подругой провёл целую ночь.
Взглянув на меня, прямо в глаза,
Увидела в них правду она.
И мои губы рукой нежно лаская,
Простила то, о чём никто не узнает.
Люблю её, только её,
Но почему ж я изменил ей?

И в этот вечер я пошёл
Опять играть с друзьями в покер.
Я хотел, чтоб и она пошла,
Но она сказала мне нет:
"Иди ж, иди, а я остаюсь.
Твои друзья уже все там,
Я услышу, проснусь, когда придёшь.
Когда ты придёшь..."
И, улыбнувшись, досказала:
"Эй, эй, эй...

В покер, я знаю, не играют втроём,
И не играй, прошу, с моей подругой!"
И смолкла, и скатилась из глаз
Небесного цвета слезинка одна.
И её губы рукой нежно лаская,
Поцеловал и сказал: "прости, дорогая".
Люблю её, только её,
Но почему ж я изменил ей?

Люблю её, только её,
Но почему ж я изменил ей?
Люблю её, только её,
Но почему ж я изменил ей?

У Челентано есть целый ряд песен, посвящённых защите природы. Эта – одна из них, где описание жизни в городе подаётся с не скрываемой иронией.

Тридцатиэтажное дерево
(Un albero di trenta piani)

(Адриано Челентано, 1972)

Это – твоя мания: уехать, чтоб жить в большом городе.
Глянь хорошенько, как живут они там в мегаполисах.
Красивых, здоровых, как мы, среди них очень мало,
Но и те мечтают уехать обратно в деревню.

И они смеются над нами, вполне понимая,
Что мы станем похожи на них очень быстро.
С такими же бледными лицами – как это небо,
Цвета этого неба, серыми, как сама атмосфера.

Никогда ты не сможешь, пока будешь жить в этом городе,
Загорать обнажённою рядом со мною на травке,
Слушая пение птичек в кронах деревьев.

Зато в городе ты наслаждаешься рёвом моторов
Тех машин, что, урча и рыча, проносятся мимо.
И заводы им радостно вторят, дымя во все трубы,
Крася в чёрный цвет небо и воздух, которым мы дышим.

Ну, а власть говорит, что для города это нормально,
Даже если цементная пыль набивается в ноздри.
Не бери это в голову, тогда, может быть, будешь жить.

Но, увы, я не смог здесь вздохнуть полной грудью:
Выдыхать – выдыхаю нормально, но вдохнуть не могу.
Задыхаюсь и вижу: как что-то надо мной нависает…
Может, дерево? Ага! О тридцати этажах!

В песне рефреном повторяются строчки на английском и итальянском языках с одинаковым смыслом. В данном переводе я оставил оба варианта этих строчек, чередуя их с переводом на русский.

Хотел бы знать
(I want to know)

(сл. А. Челентано, Л. Беретта,
муз. Дж. Сантерколе, 1976)

I want to know,
Хочу я знать,
Vorrei sapere,
Я знать хотел бы,

Как наши люди
Умудряются жить
В этих тесных квартирах
Домов современных.
Как кильки в банке, в большой коммуналке.
Как кильки в банке, в большой коммуналке.

I want to know,
Хочу я знать.
I want to know,
Хочу я знать,
Vorrei sapere,
Я знать хотел бы,

Почему же люди
Не шлют приветы
Ни мистеру Хайду,
Ни доктору Джекил?
Проектировщикам этих кошмаров:
Дом современный как клетка тесен,
Где чувствует бодро себя только плесень.

I want to know,
I want to know,
Хотел бы знать,
Хотел бы знать.

Итальянский взгляд на мимолётную встречу со старой, но не угасшей любовью. У нас эту тему проникновенно озвучила группа "Секрет" с Максимом Леонидовым в песенке "Привет".

О, нет!
(Non è)

(Кутуньо – Минеллоно, 1979)

О, нет, ещё тебя люблю, ты знай.
О, нет, ещё тобой живу. А как ты?
До сих пор мне так нужно, поверь,
Чтоб было место в жизни моей для тебя.

О, нет, другой любви, нет, не желал.
О, нет, ты та, о ком всегда мечтал.
Остановись хоть на минутку одну,
Чтобы спросить, как я живу.

Должна ты всё же понять:
Знай, с тобою рядом сердце скачет в груди.
Прошу, меня пойми, это не сложно,
Достаточно чуть-чуть любить.

О, нет, не хочу быть ни дня без тебя.
О, нет, я жить хочу тебя лишь любя.
И так часто улетаю, бывает,
Вслед за мечтами и стихами.

Должна ты всё же понять:
Знай, с тобою рядом сердце скачет в груди.
Прошу, меня пойми, это не сложно,
Достаточно чуть-чуть любить.

О нет, другой любви, нет, не желал.
О нет, ты та, о ком всегда мечтал.
Остановись на минутку одну,
Чтобы спросить, как я живу.

Остановись на минутку одну,
И спроси, как я живу.
И спроси, как я живу.
И спроси, как я живу.

Одна из самых популярных и известных у нас песен в исполнении Челентано. На одной из пластинок, выпущенной в СССР, название этой песни было написано так – "Солли", вводя слушателей в заблуждение, что так, видимо, зовут героиню шлягера.

Одни
(Soli)

(Тото Кутуньо – Кристиано Минеллоно, 1979)

Не стучите в дверь, всё равно никто не откроет:
Мы заперли снаружи весь мир с его суетою.
И остались в доме одни, холодильник полон еды,
Футбол идёт по ТиВи, только я, только ты.

Бесполезно звонить, всё равно никто не ответит:
Телефон улетел в окно, а этаж наш – четвёртый.
Мне очень важно сейчас думать только о нас,
Мы никогда не были одни, и вот сейчас сбылись мечты.

Одни, и одежд на себя не надели.
Одни, и один бутерброд на двоих. Я и ты.
Одни, и хлебные крошки в постели.
Одни, и объятия наши тесны, только я, только ты.

Суета за окном кажется фильмом без звука,
Ты стыдливо отдала любви всё своё тело.
Ты красива, донна моя, хочу, чтоб так было всегда,
Не разлюблю тебя никогда, ты моя, ты моя.

Мы одни, оставим же свет включённым.
Одни в сердце сбережём мечты – я и ты.
Одни, и время замерло в полдень.
Одни, наконец, мы одни, мы одни, мы одни.

Не стучите в дверь, всё равно никто не откроет:
Мы заперли снаружи весь мир с его суетою.
И остались в доме одни, холодильник полон еды,
Футбол идёт по ТиВи, только я, только ты.

В 1965 году у Адриано Челентано и Клаудии Мори (Мороне) появилась первая дочь – Розита. В 1980 году вышла в свет песня, написанная в соавторстве жены артиста и его друзей, посвящённая наступающему пятнадцатилетию Розиты.

Бегут твои года
(E intanto il tempo se ne va)

(Тото Кутуньо – Кристиано Минеллоно,
Клаудиа Мори, 1980)

Это платье – взяла его где ты?
Ты в нём кажешься совсем неодетой.
Если б мама в нём тебя увидала,
Вечер кончился б семейным скандалом.

Так странно мне, что это ты:
Четырнадцать годков прошли,
Твоя Барби забыла тебя,
И стала женственной походка твоя.

Телефон хранит девичьи секреты,
И я не знаю, кто загадочный этот.
Я о нём хотел спросить бы тебя,
Но ты не скажешь, ты стыдишься меня.

Дверь к тебе приоткрыта слегка:
У трюмо макияж навела.
Снова вечером уйдёшь ты гулять,
И в этот вечер опять мне не спать.

И так бегут твои года,
И ты уж больше не ребёнок.
Уходит детство навсегда,
Ты выше уже всех своих девчонок.
И так бегут года твои
Через мечты, через заботы.
Лежат ажурные чулки
Там, где лежали раньше гольфы.

Желанье взрослой стать – это нормально,
Но даже в этом ты оригинальна.
Парень, может быть, есть у тебя:
Порой мокры от слёз твои глаза.

Уж больно юбка коротка,
И чем-то ты раздражена.
Снова вечером уйдёшь ты гулять,
И в этот вечер опять мне не спать.

И так бегут твои года…

Целая история о любви, рассказанная в одной песне.

История любви
(Storia d'amore)

(слова: Л. Беретта,, М. Дель Прете;
музыка: А. Челентано, Н. Де Лука, 1982)

Знаешь ты, что я делал в тот день, когда встретил её?
Был паяцем на пляже, лишь попасться бы ей на глаза.
Она шутила со всеми парнями, кроме меня.
Почему, почему, почему я понравился ей?

И любила, и нет, и любила, и нет, делала мне назло.
Я не был ещё её парнем, а она сохла по мне.
И чтобы я ревновал её, той ночью ушла к морю с тобой.

А сейчас ты приходишь ко мне, мол: "где моя жена?"
Она сейчас или позже всё равно бы ушла от тебя.
Ты женился на ней, хоть и знал: она любит меня.
Ты за деньги купил её тело, а вот сердце не смог.

Она любила, и нет, и любила, и нет, делала мне назло.
Я не был ещё её парнем, а она сохла по мне.
И чтобы я ревновал её, той ночью ушла к морю с тобой.

Однажды я видел её – она пришла ко мне в дом.
Она смотрела и молчала, и ждала, что её позову.
И когда я поднялся с постели, её глаза заблестели:
Она казалась ангелом.
Обнимала и дрожала,
Свои губы отдавала,
И шептала "я твоя",
Но я твёрд был, как скала.

Я любил, презирал, любил и презирал, всё ей делал назло.
И что не стал её парнем, виновата только она.
Отвесил пощечину ей по прелестной щеке,
И отправил обратно к тебе.

Я на кровать упал, всю ночь о ней мечтал:
Сквозь слёзы видел ангела.
Обнимала и дрожала,
Свои губы отдавала,
И шептала "я твоя",
И в мечтах я её целовал.

Песня голландской группы "VOF de Kunst", ставшая невероятно популярной в нашей стране в версии и исполнении Челентано.

Сюзанна
(Susanna)

(Каролин Богман, Ферди Лэнси, 1984)

Одна неделя в Портофино,
Почти месяц в Сан-Тропе.
И ты сказала: "Чао, бамбино!
Меня не купишь за паштет..."
И сбежала в Малибу
С одним торговцем поутру

Сюзанна, Сюзанна, Сюзанна, Сюзанна, мон амур.

Я – турист из Тичинезе.
Ты – королева пляс Пигаль.
Ты гуляла с пекинесом,
Надев со стразами колье.
Я спросил: "сбежишь со мной?"
Ты сказала: "да!"
Я сказал: "жди здесь, я скоро вернусь"
"О, нет, мсье, не утруждайте себя", –
И ушла

Сюзанна, Сюзанна, Сюзанна, Сюзанна, мон амур.

А теперь я нищ и жалок,
И расплаты пробил час.
Нанял четырёх гадалок,
Чтоб узнать, где ты сейчас.
Лишь муж твой сейчас со мной,
Ест и спит он, как король (за мой счёт!).

Сюзанна, Сюзанна, Сюзанна, Сюзанна, где же ты?

Третий месяц тебя нету –
Жду тебя в одном бистро.
Подписал квадратный метр
Расписок, векселей, счетов.
Но так ничего и не узнал о тебе,
Но, вдруг, ты однажды вернёшься ко мне?

Сюзанна, Сюзанна, Сюзанна, Сюзанна, мон амур
Я жду тебя, о, мон амур...

Неувядаемый Адриано записывает в 2002 году песню "Confessa", ставшей у нас весьма популярной, но мало кто догадывается, о чём она...

Признайся!
(Confessa)

(слова: Могол, музыка: Дж. Белла, 2002)

Признайся мне, о, любовь моя:
Я – не единственный у тебя?
Ты утаила в сердце своём
Историю о ком-то другом.

Теперь ты думаешь не обо мне!
Твоя любовь ко мне угасла совсем!
Я как пирожное, что вдруг горьким стало,
Есть которое ты перестала!..

Отчего ты теперь другая?
Отчего ты уже не ты?
Отчего сразу не сказала?...
Кто не любит – не будет и любим!...

Всё то хорошее, что с нами было
В промозглость осени ты превратила.
Весёлый смех и ужины вдвоём
Мы никогда уже не вернём.

Теперь ты думаешь не обо мне!
Твоя любовь ко мне угасла совсем!
Я как пирожное, что вдруг горьким стало,
Есть которое ты перестала!..

Незаметно приходит вечер,
Воспоминания душу не лечат.
В сердце грусть велика, как море,
И пустота и ничего боле.
И ничего боле!

Всё то хорошее, что во мне любила
В промозглость осени ты превратила.
Весёлый смех и ужины вдвоём
Мы никогда уже не вернём.

Теперь ты думаешь не обо мне!
Твоя любовь ко мне угасла совсем!
Я как пирожное, что вдруг горьким стало,
Есть которое ты перестала!..

Итальянская авторская песня

Есть в итальянском языке такое ёмкое, выразительное слово "cantautore" (кантауторе). Оно произошло из слияния двух слов: "cantatore" (певец) и "autore" (автор). Что означает " автор-исполнитель" или "бард".

Авторская песня в Италии – это и любовная лирика, и песни о войне, политике, религии – вроде всё, как у нас, но... Есть нюансы и, порой, весьма существенные отличия.

Например, песни о войне в корне отличаются от нашего видения этой темы. Истоки отличия видятся в том, что у нас война – это война за Родину, её защита от внешнего агрессора, за справедливость. Италия же за последние без малого сто пятьдесят лет вела захватнические, колониальные войны (северная и северо-восточная Африка, Албания, Греция, Франция) с безуспешными попытками воссоздания империи. Поэтому тема войны у итальянских бардов освещается с точки зрения бессмысленности, ненужности для простого солдата, призванного умирать на чужой земле ради сомнительных амбиций правящей верхушки.

Тема любви в итальянской авторской песне многогранна, в основном это поиск любви, несчастная и трагическая любовь. Тема светлой любви и нежности прослеживается в раннем творчестве Джорджо Габера.

Политическая тема довольно широко представлена, в отличие от нашей авторской песни, где некоторый всплеск по данной тематике наблюдался лишь на сломе эпох, в конце 80-х, начала 90-х годов прошлого века. Но это и не удивительно, так как итальянцы всегда этим интересовались, активно обсуждали политическую жизнь своей страны и мира в целом, что, впрочем, свойственно большинству европейцев.

Тема религии интересна в плане католического понимания христианства, весьма отличном от нашей православной традиции. На Западе раскрытие евангельских сюжетов происходит на чувственном, эмоциональном уровне, в отличие от православного поиска, прежде всего, духовных основ.

В этом смысле небезынтересен цикл религиозных песен Де Андре, включая частично представленный в данной книге альбом "Благая Весть" ("Buona Novella"). В некоторых песнях (как у Де Андре, так и у Габера) прослеживается критическое отношение к католицизму, а у Де Андре, зачастую, высказываются откровенно еретические мысли.

В нашей книге мы рассмотрим итальянскую бардовскую песню на примере творчества двух до сих пор очень популярных в Италии авторов-исполнителей: Фабрицио Де Андре и Джорджо Габера. На мой взгляд, эти два автора являются одними из самых ярких и самобытных бардов Италии. К ним отчасти можно отнести и Маттео Сальваторе, но его творчество, скорее, находится где-то на стыке народной песни и авторской.

Антивоенная песня, слова к которой написал известный итальянский писатель Итало Кальвино. Ещё свежа память о самой страшной в истории человечества войне, но уже вполне реальна война новая, ещё более страшная – ядерная... Эту песню, на мой взгляд, можно отнести к бардовской. Фабрицио Де Андре упомянул второй куплет этой песни в своей "Война Пьеро" (см. стр. 94). Песня в чём-то перекликается с нашим "Чёрным вороном".

Куда летишь, стервятник?
(Dove vola l'avvoltoio)

(Серджо Либеровичи – Итало Кальвино,
Кантахроники, 1961)

Наступил день последний последней в мире войны.
Злобная пушка затихла и больше не била.
И, лишившись еды, с бесплодной земли
В небо стая чёрных воронов взмыла.

Ты куда летишь, стервятник?
Ты, стервятник, улетай!
Улетай с моей земли,
Земли любви, а не войны.

Вот один полетел к реке,
И река сказала: "Нет!
Чёрный ворон, улетай,
Чёрный ворон, улетай!
Во моём чистом теченьи
Только карпы да форели,
Тел убитых нет солдат,
Они здесь больше не лежат".

Ты куда летишь стервятник?
Ты стервятник, улетай!
Улетай с моей земли,
Земли любви, а не войны.

А другой в лес полетел,
Но и лес ответил: "Нет!
Чёрный ворон, улетай,
Чёрный ворон, улетай!
Среди листьев и ветвей
Здесь блуждает солнца свет,
Здесь лишь белки да лягушки,
А пальбы ружейной нет."

Ты куда летишь стервятник?
Ты стервятник, улетай!
Улетай с моей земли,
Земли любви, а не войны.

Третий к эху полетел,
И оно сказало: "Нет!
Чёрный ворон, улетай,
Чёрный ворон, улетай!
Ныне я лишь песням вторю,
Отзвуку мотыг с полей,
Хороводам, колыбельным,
Ну, а канонаде – нет".

Ты куда летишь стервятник?
Ты стервятник, улетай!
Улетай с моей земли,
Земли любви, а не войны.

Четвёртый к немцам полетел,
Немцы заявили: "Нет!
Чёрный ворон, улетай,
Чёрный ворон, улетай!
Надоела грязь и смерть,
Кровь, жестокость и свинец.
Дома́ и хлеб чужой земли
Отнимать мы не должны.

Ты куда летишь стервятник?
Ты стервятник, улетай!
Улетай с моей земли,
Земли любви, а не войны.

Пятый к мамам полетел,
Но сказали мамы: "Нет!
Чёрный ворон, улетай,
Чёрный ворон, улетай!
Лучше сыновьям своим
Невест ласковых дадим –
Пусть они детей рожают,
Никого не убивают".

Ты куда летишь, стервятник?
Ты, стервятник, улетай!
Улетай с моей земли,
Земли любви, а не войны.

Шестой к урану полетел,
Но уран ответил: "Нет!
Чёрный ворон, улетай,
Чёрный ворон, улетай!
Моя ядерная сила
Лучше полетит к Луне,
И не будет, пламенея,
Города жечь на Земле."

Ты куда летишь, стервятник?
Ты, стервятник, улетай!
Улетай с моей земли,
Земли любви, а не войны.

Но были и те, что о новой войне мечтали,
В безжизненном месте собравшись тайно,
И стала над ними кружиться стая,
Снижаясь, и кто-то из них закричал:

Ты куда летишь стервятник?
Ты стервятник, улетай!
Улетай из дум моих...
Но стая сбила его с ног.

Автору слов рассказал эту трагикомичную историю его знакомый, которому довелось на машине скорой помощи перевозить из одной провинциальной больницы в расположение воинской части военного с множественными ушибами и переломами, который, ехав на горном велосипеде, столкнулся с ослом.

Песенка про военного и осла
(La canzoncina del militare in bicicletta)

(слова: Ахмед Иль Лававетри,
музыка: Сергей Николаев, 2011)

Военный – обычно тип очень спортивный:
Со спортом дружа себя чувствуешь сильным.
По воскресеньям – на велосипед,
И до вершины горы мчишься вверх.

Прекрасный денёк, почти уже лето!
Мускулистые, сильные ноги атлета,
Он энергичен, воинственен, молод,
Его на пути ничто не остановит.

Но вот на тропе оказался случайно
В покое безмерном ослик Лучано.
Мир созерцая, вбирал солнце жадно
В позе античной – других слов не надо.

Послышался треск крутящейся цепи,
И, дыша тяжело, на велосипеде,
Пропитанный потом, сзади возник
В спешке великой пыхтящий мужик.

– Дорогу давай! – послышался крик:
Но ослик Лучано скалою стоит.
С тропы не ушёл, он даже присел
На изрытой ухабами узкой тропе.

Ты думал – военный затормозит?
Командовать всеми везде он привык.
"Нет, ты уберёшься отсюда добром!
Я не отступлю пред каким-то ослом."

И дальше педали крутя, как король,
Тот, что меж глицинией и бузиной[1],
Он прямо в осла нахально попёр,
Поскольку не сдвинулся с места осёл.

Но то не забота Лучано осла,
Что у офицера тверда голова:
На ослика круп наскочил он, и вот
Летит в чемпионский, рекордный полёт.

Эта сцена потом заставляла хихикать
Персонал номер сто восемнадцать больницы:
С мордой губастой ослик блаженный,
И с задом отбитым лежащий военный.

Три сломалось ребра, а также рука, но
Как же был крепок ослик Лучано!
Басни мораль: хоть всё армия может,
Упрямым ослом была уничтожена.

---

[1] – "меж глицинией и бузиной" – цитата из песни Фабрицио Де Андре про короля Карла Мартелла (см. стр. 91)

Фабрицио Де Андре

(1940 – 1999)

Выходец из семьи крупных промышленников, большую часть жизни провёл в родной Генуе. Остро переживавший несправедливость современного западного мира, он отражал её в своих песнях, полных то нежности, то сарказма. Осенью 1961-го года Фабрицио записывает свою первую пластинку, состоявшую всего из двух песен. С 1966 года начинает записывать полноценные альбомы. Всего свет увидело 25 альбомов песен Фабрицио.

В создании своих песен Де Андре зачастую обращался к творчеству зарубежных поэтов, в их числе Жорж Брассенс, Леонард Коэн, Эдгар Ли Мастерс, Боб Дилан.

Фабрицио в своём творчестве затрагивает темы любви, войны, религии. В творчестве Фабрицио есть несколько песен на диалектах итальянского языка: родном генуэзском, северо-сардинском, неаполитанском, но основная масса песен записана на итальянском.

В 1979-м году Фабрицио Де Андре, живший тогда в своём имении на Сардинии, был похищен преступниками, потребовавшими выкуп, и четыре месяца провёл в заточении. Хорошо характеризует мировоззрение Де Андре тот факт, что уже после освобождения он выказал сострадание к похитителям, заявив, что это они – настоящие заключенные, а не он, и что ими в этом поступке руководила элементарная нужда.

Поэтому не случайно, что у Де Андре есть целый ряд песен, посвящённых асоциальному элементу, грешникам, состраданию им, с попыткой понять и даже оправдать их падение. Эти песни посвящены заключённым, убийцам, наркоманам, проституткам. Появление таких песен, как "Алые губки", "Карл Мартелл возвращается с битвы при Пуатье", "Виа дель Кампо", "Рождественская сказка" в нашем культурном поле кажется невозможным, ввиду существенного отличия морально-нравственной парадигмы, основанной на принципах православия, от основ западноевропейской культуры. Но тем интереснее будет знакомство с этой стороной песенной культуры Италии.

Похоже, данная песня написана под влиянием вышедшей годом раньше песни Шарля Азнавура "Любовь и война" ("L'amour et la guerre"). В 1962 году "Баллада о герое" вошла в фильм Лучано Сальче "Изобилие" ("La Cuccagna"), где её исполнил друг Фабрицио – музыкант и актёр Луиджи Тэнко (Luigi Tenco), чья судьба оказалась весьма трагичной: в 1967 году он не прошёл в финал конкурса в Сан-Ремо, после чего был найден мёртвым в гостиничном номере. В предсмертной записке он обвинил жюри по не справедливому, на его взгляд, отбору в финал некоторых песен. В "Балладе о герое" отражена бессмысленность несправедливой, захватнической войны.

Баллада о герое
(La ballata dell'eroe)

(Фабрицио Де Андре, 1961)

Он обнял её и ушёл на войну
От врагов защищать родную страну.
На погоны звёзды и лычки нашили,
И продать свою шкуру дороже просили.

И когда был приказ дан в атаку идти
На чужбине далёкой, о войне захотелось правду найти...
Но он был убит, и гордится Родина
Очередного героя подвигом.

Но та, что любила, ждала домой
Солдата живого. На что ей теперь мёртвый герой,
Если рядом в постели лишь холод металла
Медали за подвиг и вечная слава?

"Баллада о Мике" основана на реальной истории, взятой из криминальной хроники. В ней рассказывается о молодом человеке Микеле Айелло, иммигранте, прибывшем в Геную с юга Италии. За убийство человека, который увёл у него невесту, Айелло получил двадцать лет тюрьмы.

Баллада о Микé
(La ballata del Michè)

(Фабрицио Де Андре – Клелиа Петракки, 1961)

Было, увы, слишком поздно,
Когда отворили дверь:
В камере с верёвкой на шее
Холодный висел Мике.

И я думаю, глядя на стену,
Под утренний крик петухов
О ночи последней тюремной,
Когда он из жизни ушёл.

Той ночью Мике
Удавился на ржавом гвозде:
Он не мог оставаться в тюрьме
Двадцать лет от тебя вдалеке.

Мике ушёл в темноте,
Представляя прекрасно себе,
Что не мог рассказать, что убил,
Потому, что тебя полюбил.

Я знаю, Мике
От того так хотел умереть,
Чтоб избавиться от грёз о тебе,
Тех, что жили в его душе.

Двадцать лет суд ему присудил,
Вполне справедливо решив,
В убийстве того Мике уличив,
Кто хотел Мари увести.

И так в тюрьму был упрятан
Двадцать лет в камере гнить,
Но в петлю влез той ночью проклятой,
Заставив дверь эту открыть.

И если Мике,
Не оставив записки в руке,
Покинул сей мир,
Знай, что лишь от любви бесконечной к тебе.

И вот завтра в три
Положат в могилу тебя
Без падре и мессы:
Отпевать, по закону, самоубийцу нельзя.

И вот завтра в три,
Земле твоё тело предав,
Крест кто-то поставит,
Имя и дату на нём написав.

Песня написана в соавторстве с другом, будущим писателем и актёром Паоло Вилладжо, известным по циклу кинокомедий о Фантоцци, где он сыграл заглавную роль, а также по фильму "Синьор Робинзон". За основу сюжета песни взят реальный исторический персонаж, франкский король, весьма чтимый в Европе за его заслуги в сдерживании исламской экспансии во Францию в VIII веке. Тем более странен и удивителен сюжет этой песни, связанный с ним. Первоначально песню в судебном порядке запретили за её откровенную непристойность, и последний куплет пришлось изменить. История создания песни весьма любопытна. Два друга детства, Фабрицио и Паоло, коротали время вдвоём, ожидая родов своих жён. И Фабрицио наиграл мелодию в духе средневекового гимна. Жёны благополучно родили в один день, Паоло мелодия понравилась, и, будучи не только большим фанатом истории, но и обладая незаурядными задатками сатирика, через неделю в том же средневековом стиле он сочиняет текст-гротеск на короля франков.

Карл Мартелл возвращается с битвы при Пуатье (Carlo Martello ritorna dalla battaglia di Poitiers)

(музыка: Фабрицио Де Андре – слова: Паоло Вилладжо, 1962)

Король возвращался с войны,
Ликованье земли
Обвивало лавром.
В лучах горячей весны
Сияли доспехи
Победителя мавров.

Кровь короля и мавра
Окрасили забрало
В идентичный колор.
Но, невзирая на раны,
Жажду плотской услады
Испытывал Карл.

"Если чести и славы желаешь,
В битве победой себя утешаешь,
Но даже минутки одной о любви не мечтаешь.
И надеваешь желанной супруге
Верности пояс, что тяжёл, как кольчуги,
Но ключ от него в бою потерять ты рискуешь."

Так христианский король размышлял,
И сонм цветов его венчал,
Пшеница ноги обвивала.
И гладь родника, как зерцало,
Победителя мавров
В седле отражала.

Вдруг чистый родник подарил
Как символ любви –
Виденье очам:
Средь кос белокурых и длинных
Грудь нагая явилась
В мареве дня.

"Никогда не встречал ничего красивéе,
И деву такую не знавал я доселе", –
Так король Карл молвил, сошедши на землю.
"Эй! Рыцарь, стой, не подходи!
Та, что желаешь – услада других.
У иного источника жажду свою утоли."

Услышав дерзкие слова,
Удивившись весьма,
Замешкался Карл.
И, дрожа от желанья,
Шлем для опознания
Сир приподнял.

Приём был оружием верным,
Что при затрудненьях
Использовал Карл:
Носище узрела она,
И морду козла –
Его Величество, сам!

"Коль повелителем Вы бы не были",
– Карл уже меч тяжелый свой скинул. –
"Желанье своё убежать я бы не скрыла.
Но, коли так, что Вы мой господин," –
А Карл уже снял доспехи свои –
"Что ж, повинуюсь, стыду своему вопреки".

Рыцарем слыл он галантным,
В положеньи пикантном
Прикрыться счёл за честь.
И после счастливого конца
Не уверенно весьма
На коня пытался сесть.

Но, с быстротою гарпуна
Вцепившись в короля,
Счёт представила она:
"Что ж! Потому, что вы – Сир,
Лишь пять тысяч лир
Услуги цена".

"Продажная девка! Не мог я представить,
Что в моём королевстве авантюра любая
В согласьи б решалась с самой последней путаной.
Если касаться вопроса цены –
Я твёрдо помню: пред отъездом моим
Были тарифы не выше трёх тысяч лир".

И Карл поступил, как негодяй:
Одним прыжком льва
Скакуна оседлав.
Коня подгоняя, король
Меж глицинией и бузиной
Исчез стремглав.

Король возвращался с войны,
Ликованье земли
Обвивало лавром.
В лучах горячей весны
Сияли доспехи
Победителя мавров.

Одна из самых известных и любимых в Италии песен Фабрицио. Написанная в 1964 году, стала популярной через три года, благодаря проникновенному исполнению известной певицей Миной, и дала старт популярности самому Де Андре. "Песня о Маринелле" также основана на реальном событии. В историю её создания легла криминальная хроника в одной из провинциальных газет, которая попалась на глаза Фабрицио. В ней сообщалось об убийстве 16-ти летней проститутки Марии Боккуцци, чьё тело было найдено в реке. "История этой девушки так взволновала меня, что я захотел дать ей заново прожить жизнь и как бы подсластить смерть", – сказал Де Андре в одном из интервью.

Песня о Маринелле
(La canzone di Marinella)

(Фабрицио Де Андре, 1964)

Это история о Маринелле.
Унесла её река порой весенней.
Но ветер, увидев её красоту,
Из реки подхватил и вознёс в небеса на звезду.

Жила одна, не ведая о боли,
Но также и не видела любови.
Но как-то раз случилось королю
Постучаться в дверь и войти в обитель твою.

Бела, как луна, была его шляпа.
Красна, как любовь, его накидка реяла.
Ты пошла за ним без причины и страха,
Как мальчик, что бежит за воздушным змеем.

Сияло солнце, твои глаза были ясны,
Он целовал твои губы и волосы страстно.
А когда взошла луна, в твоих глазах сияя,
Он обнимал тебя нежно и шептал: "дорогая...".

Были поцелуи и улыбки счастливые,
И он подарил тебе прекрасные лилии,
Что созерцали звёзд своих глазами,
Как от ветра и поцелуев твои губы дрожали.

Ещё говорят, такая жалость! –
В реке утонула, когда возвращалась.
Но в то, что ты умерла, он не верил,
И ещё сто лет каждый день стучал в твои двери.

Это твоя песня, Маринелла,
Что улетела прямо к звёздам в небо.
Но ты была всех прекраснее на свете,
Прожив лишь только день, как роза в букете.

Но ты была всех прекраснее на свете,
Прожив лишь только день, как роза в букете.

Песня написана под впечатлением рассказов о войне родного дяди Фабрицио, участвовавшего в албанской военной кампании. Второй куплет явно перекликается с песней "Ты куда летишь, стервятник?" (см. стр. 84).

Война Пьеро
(La guerra di Piero)

(Витторио Ченганаро – Де Андре, 1964)

Спи, погребённый в поле несжатом,
Где нет ни роз, где нет тюльпанов.
Тебя берегут от могильного мрака
Только тысячи красных маков.

"Вдоль берегов по речному протоку
Хочу, чтобы только щуки плескали,
А не трупы солдат, что в сражениях пали,
Уносились быстрым теченьем потока".

Так думал ты зимою, наверно,
Но, как и другие, в сторону ада
Обречённо уходишь, как будто так надо,
И ветер хлещет в лицо твоё снегом.

Остановись же, Пьеро, постой,
Пусть ветер промчится над головой,
И павших в боях донесёт голоса,
Чьим жизням взамен – ни могил, ни креста.

Но ты их не слышал, и время бежало,
Сменялись сезоны в ритме джавы,
И как-то границу пришлось перейти
В один из прекрасных дней весны.

И когда ты, с оглядкой, всё дальше шагал
Человека в долине внизу увидал.
Он также боялся дневного света,
Но только форма иного цвета.

Стреляй же, Пьеро, стреляй же скорей!
За выстрелом выстрел, сразу добей,
Пока он не рухнет на землю от боли
В лужу своей же вытекшей крови.
"Но если стрелять в сердце иль лоб
Он сразу, в мгновение ока, умрёт,
Тогда лишь успею я разглядеть
В глазах человека одну только смерть".

Но пока ты об этом так долго думал,
Он обернулся под нацеленным дулом,
И вскинул винтовку и выстрелил первым.
Он не был, как ты, слишком манерным.

Ты рухнул на землю без стона и вздоха,
И лишь одна мысль пронзила как током,
Что времени нет, даже мгновенья,
За каждый свой грех попросить прощенья.

Ты рухнул на землю без стона и вздоха,
И лишь одна мысль пронзила как током,
Что жизнь твоя кончена, и стало понятно
То, что теряешь её безвозвратно.

"Нинетта моя, чтоб в мае погибнуть
Нужно так много душевной силы...
Нинетта моя, отправиться в ад
Лучше холодной зимой в снегопад".

Тебя окружала бескрайняя нива,
И руки не выронили карабина,
Навеки в устах застыли слова,
И их растопить не сможет жара.

Спи, погребённый в поле несжатом,
Где нет ни роз, где нет тюльпанов,
Тебя берегут от могильного мрака
Только тысячи красных маков.

Одна из самых известных песен Де Андре о любви.

Песня о потерянной любви (Canzone dell'amore perduto)

(Георг Филипп Телеман – Фабрицио Де Андре, 1966)

Ты помнишь, как фиалки цвели
От наших слов о любви:
Не расстанемся мы
Никогда, никогда, никогда.

Хотел бы сказать слова те же сейчас,
Но как-то слишком быстро,
Любимая, вянут розы из-за нас,
Вянут розы.

Ту любовь, что страстной была,
Потеряли, считай,
И даже ласкаем друг друга уж нехотя,
И без капельки нежности.

И когда ты вдруг в руки возьмёшь
Те цветы, что цвели под давним солнцем
Апреля, что, увы, не вернёшь,
Ты поплачешь о них.

И в первую встречную вновь
Влюбиться ты рад бы,
И осыпать готов её золотом
Лишь за один поцелуй,
За любовь новую.

Песня написана, очевидно, по мотивам "Песни Мари-де-Анж (Сердце мамы)" французского поэта XIX века Жана Ришепена.

Баллада о слепой любви
(La ballata dell'amore cieco)

(Фабрицио Де Андре, 1966)

Мужчина честный, мужчина гордый,
Тра-ла-ла-лалла тра-ла-ла-леро,
Однажды влюбился что было силы
В ту, что его ничуть не любила.

"Принеси мне завтра" – сказала так,
Тра-ла-ла-лалла тра-ла-ла-леро,
"Принеси мне завтра" – сказала так:
"Твоей матери сердце для моих собак".

И тогда он пошёл и убил свою мать,
Тра-ла-ла-лалла тра-ла-ла-леро,
И сердце вырвал из её груди,
И с ним возвратился к своей любви.

Но дело не в сердце, дело не в сердце,
Тра-ла-ла-лалла тра-ла-ла-леро,
И этого ужаса ей было мало,
И вновь силу слепой любви испытала.

Сказала тогда: "коль любишь без меры",
Тра-ла-ла-лалла тра-ла-ла-леро,
Сказала тогда: "коль любишь без меры –
Возьми острый нож и вскрой себе вены".

Он долго не думал, и вскрыл себе вены,
Тра-ла-ла-лалла тра-ла-ла-леро,
Потёк из порезов крови ручей,
И он, безумный, побежал снова к ней.

И она сказала, смеявшись с издевкой,
Тра-ла-ла-лалла тра-ла-ла-леро,
И она сказала, смеявшись с издевкой:
"Пусть смерть твоя будет последней проверкой".

И пока кровь из раны его вытекала,
Лицо плавно цвет свой на серый меняло,
Тщеславие в ней продолжало смеяться:
Ведь он за неё готов с жизнью расстаться.

Снаружи о чём-то шептал нежный ветер,
Тра-ла-ла-лалла тра-ла-ла-леро,
Но взором своим удивлённо-пугливым
Увидала, что он умирает счастливым.

Умирает влюблённым – ему нужна была малость,
Ну а ей же совсем ничего не досталось:
Любви и ласки его взамен –
Лишь засохшая кровь из порванных вен.

Есть в Генуе такая улица – "виа дель Кампо". С давних времён – улица проституток. Если берут цветок из рук путаны, это значит, что хотят воспользоваться её услугами. Ныне на этой улице находится мультимедийный центр, посвящённый творчеству кантауторе (помещение бывшего музыкального магазина, принадлежавшего другу Де Андре). Там можно познакомиться с творчеством барда и увидеть его знаменитую гитару. Основа мелодии заимствована из народной песни XV века.

Улица дель Кампо
(Via del Campo)

(Фабрицио Де Андре, 1967)

На дель Кампо она грациозна!
Цвета листьев глаза огромны.
И стоит всю ночь у порога,
Продаёт всем всё ту же розу.

На дель Кампо девчонка одна
С цвета майской росы губами,
С серыми, как асфальт, глазами.
Растут цветы, где пройдёт она.

Есть на виа дель Кампо путана,
Цвета листьев глаза огромны.
Если хочешь её любви –
За руку просто возьми.

И вроде ты улетаешь далёко,
Её улыбкой насквозь пронизан,
Но достиг своего парадиза
На втором этаже невысоком.

На дель Кампо ты полон иллюзий,
Походкой её зачарован,
И пока не закрыла балкона
Предложить хотел стать её мужем.

Люби и смейся, если любовь ответит,
Плачь навзрыд, коль тебя не слышит.
Из алмаза ничто не родится на свете,
А из навоза рождаются розы!

Сюжет этой песни перекликается с песней Жоржа Брассенса "Бравая Марго" ("Brave Margot"), написанной в 1952 году.

"Алые губки"
(Bocca di rosa)

(Фабрицио Де Андре –
Джан Пьеро Ревербери, 1967)

"Алые губки" её называли.
Дарила любовь, дарила любовь.
"Алые губки" её называли:
Выше любви что-то было едва ли.

Только сошла на платформу станции
Городка, что зовут Сант-Иларио,
С первого взгляда все осознали:
Речь не идёт о миссионарии.

Кому-то любовь – от скуки лекарство,
Кто-то профессией выбирает.
"Алые губки" – ни та, ни другая,
Любила она из одной только страсти.

Но страсть, как часто бывает, ведёт
Лишь к услажденью своей блудной плоти,
Без выясненья, что тот, кто придёт
Имеет семью иль одиноким живёт.

И вышло как-то так, не иначе:
Она сама на себя направляла
Злобу погибельную собачек,
Тех, у которых кость отобрала.

Но сплетницы того городка,
Увы, не блистали инициативой,
И контрмеры до этого дня
Ограничивали инвективой.

Хорошие любим давать советы,
Иисусом себя представляя без меры.
Хорошие любим давать советы,
Коль сил уже нет на дурные примеры.

Так старая дева – всю жизнь без мужа,
Детей и тяги к жизни к тому же –
Решила вдруг на склоне лет
Дать полезный и верный совет.

И обратилась ко всем рогоноскам –
Гневная фраза весома ужасно:
"Кража любви – так несносна,
Наказана будет, закона согласно!".

Тотчас отправились к комиссару,
Без парафраз, прямо сказали:
"Так много клиентов у этой мерзавки,
Их более, чем людей на вокзале!"

И прибыли к ней четыре жандарма
В перьях плюмажа, в перьях плюмажа.
Прибыли к ней четыре жандарма
В перьях плюмажа, с оружием даже.

Часто полиция, карабинеры
К службе своей подходят без рвенья,
Но нынче в форме парадной, военной
Её провожали до поезда первого.

На станции были, считайте, все:
От священника до комиссара.
На станции были, считайте, все:
Со слезами в глазах, со шляпой в руке

Проститься с той, кто хоть ненадолго,
Без претензий, без претензий,
Проститься с той, кто хоть ненадолго
Им подарила любви поэзию.

Ещё виднелся большой транспарант:
Чёрная надпись на жёлтом фоне
Гласила: "Алые губки", прощай!
В город весна пришла с тобою".

Если новость хоть малость скандальна,
То без газет умы наполняет:
Как пущенная из лука стрела
Быстро летит из уст в уста.

И на следующей станции было едва ли
Не больше людей, чем её провожали:
Кто слал поцелуй, кто цветок бросал,
А кто и на два часа заказал.

Даже священник, не презирая
Той красоты эфемерное благо
Меж нищетой и соборованьем,
Хотел, чтобы шла в процессии рядом,

В процессии с Девой в первом ряду,
"Алые губки" – чуть дальше где-то,
Любовь святую и мирскую
Несли, проходя через всю страну.

Ещё одна лирическая песня о любви.

Любовь приходит и уходит
(Amore che vieni amore che vai)

(Фабрицио Де Андре, 1968)

Те дни, что умчались, унесённые ветром,
Полны поцелуев и солнцем согреты.
Однажды ты вспомнишь тех глаз милых взгляд.
Любовь, что была, пусть вернётся назад.

Пусть будут глаза иного цвета твои,
Ты скажешь всё те же слова о любви,
Но забудешь о них через месяц иль год –
Любовь, что пришла, незаметно уйдёт.

Вернулся ль из лета, с замёрзших ли пляжей,
Умчался ль за ветром иль канул в ноябрь,
Любил тебя всегда и не любил никогда...
Любовь, что придёт, не уйдёт навсегда.

Любопытная для нас песня об итальянской зиме. От себя добавлю, что я нигде так не мёрз в своей жизни, как зимой в Милане – ни в промозглом Петербурге, ни в Сибири: на улице температура около нуля, стопроцентная влажность, и пронизывающий до костей холодный туман. Представленную картину дополняет отсутствие парового отопления в домах. Поэтому понятен священный страх европейцев перед русскими морозами, если они замерзают уже при плюс двух...

Зима
(Inverno)
(Фабрицио Де Андре, 1968)

Встали туманы над лугами седыми.
Лишь кипарисы над кладбищем взмыли,
Лишь колокольня силуэтом неверным
Знак рубежа меж землёю и небом.

Остановись, прохожий случайный,
На снег посмотри, он завтра растает.
Вновь расцветёт счастье былое
На жарком ветру грядущего зноя.

Кажется, даже свет умирает,
Средь тени неясен, во мгле угасает,
Солнца восход превращается в вечер,
И будто из воска лица у встречных.

Остановись, прохожий случайный,
Завтра узнаешь, как снег умирает,
Любовь свою встретишь – нежданно придёт.
В тот день боярышник вновь зацветёт.

Земля, что устала от тягостных снов,
В безмолвии дремлет под гнётом снегов.
Зима ей поёт о доле унылой
Тыщи веков с сотворения мира.

Но что же ты встал, забыв про дела?
Завтра вернётся другая зима.
Новый выпадет снег, чтоб утешить поля,
Новый выпадет снег, чтоб уснула земля.

Судя по всему, песня написана по мотивам стихотворения "Санта Клаус и маленькая девочка" Жоржа Брассенса.

Рождественская сказка
(La leggenda di Natale)

(Фабрицио Де Андре, 1968)

Шепталась с луной, играла с цветами,
Была в тех летах, что не знают страданий.
Ветер был магом, роса была феей
В лесу колдовства твоих детских затей.

Явилась зима, уничтожила краски,
Пришёл Санта Клаус, рассказывал сказки.
Златой мишурою подарки блистали,
Но взгляд был недобр и глаза цвета стали.

Покрыл твои плечи серебром и мехами.
Шею сдавил изумруд с жемчугами.
Когда, замерев, на него ты глядела
Тебя с ног до макушки целовать он хотел...

Ныне другие зовут тебя феей,
И твой внутренний мир без наивных затей.
Но луне всё ж хотела поведать о том,
Как твой цветок увял на Рождество.
Как тот нежный цветок увял на Рождество.

В следующей песне удивительно точно показана трансформация человеческих чаяний и надежд во время войны. Сначала упование на то, что войны не будет, затем оно сменяется надеждой, что война не придёт в твой дом, затем – что именно тебя, может быть, и не убьют... Песня написана в 1968 году, в период Вьетнамской войны, вызвавшей волну протестов по всему миру.
Вообще итальянская песня для нас удивительна тем, что в мажоре итальянцами зачастую поются грустные песни, а в миноре, наоборот, – весёлые. И эта песня – яркий тому пример.

Хороводная
(Girotondo)

(Фабрицио Де Андре, 1968)

Если будет война, тили-тили, трали-вали,
Если будет война, тили-тили, трали-ва,
И на море и на суше, тили-тили, трали-вали,
И на море и на суше – кто же нас спасёт тогда?
Нас спасёт солдат, что не станет воевать,
Нас спасёт солдат, что откажется стрелять.

А война началась, Маркондиро'ндеро[1],
А война началась, что теперь нам делать?
Добрый Бог поможет нам, Маркондиро'ндера,
Добрый Бог поможет нам, и спасёт, наверно.
Добрый Бог не помог, и где Он никто не знает,
Добрый Бог от нас убёг, и вернётся к нам едва ли.

Самолёт летит, Маркондиро'ндера,
Самолёт летит, Маркондиро'нда.
Если сбросит бомбу, Маркондиро'ндеро,
Если сбросит бомбу, кто же нас спасёт тогда?
Нас спасёт пилот, что не станет делать это,
Нас спасёт пилот, тот, что бомбу не метнёт.

Но, вот бомба упала, Маркондиро'ндеро,
Но, вот бомба упала, и кого она убьёт?
Всех она поразит, Маркондиро'ндера,
И хороших и плохих, Маркондиро'нда.
И больших и малых, всех убить, наверно, сможет,
И трусливых и храбрых, всех, конечно, уничтожит.

Слишком много воронок, Маркондиро'ндера,
Слишком много воронок, кто же их заполнит?
Мы теперь играть не сможем в Маркондиро'ндера,
Мы теперь играть не сможем в Маркондиро'нда.
Ну а ты, чтоб поиграть, отсюда уходи,
Уходи и развлекайся там, где нет войны.

Война повсюду гремит, Маркондиро'ндера,
Вся земля скорбит, кто её защитит?
Позаботятся о том люди, звери и цветы,
Красота природы, и леса, и сады.
Людей, зверей и цветов больше нет на этом на свете,
Только мы остались живы, мы одни на всей планете.

Вся земля будет наша, будет наша теперь,
И на ней мы построим большую карусель.
Мы забрали землю всю, тили-тили, трали-вали,
Так сыграем в войну, тили-тили, трали-ва...

[1] – Маркондиро'ндеро – вроде нашего тили-тили, трали-вали

Красивая и очень лиричная песня о несчастной любви.

Твои прекрасные очи
(Per i tuoi larghi occhi)

(Фабрицио Де Андре, 1969)

О, прекрасные очи,
О, твои прекрасные очи,
Они не знают слёз,
Они не знают слёз.

Ты ушла, мне оставив печали,
И "адью" сказать не захотела.
Отчего за твоими очами
Билось сердце из снега?

Я хотел рассказать бы о том,
Что всегда живут в сердце моём
Все мелодии твои, ведь они
На мотивы моей любви.

Ты навеки в моей судьбе,
Будут в памяти о тебе
Те мгновенья прекрасные –
Твои очи ясные.

Но прекрасные очи
Холодны, как металл,
И когда о тебе я мечтаю,
И когда тебя так желаю.

В возвращеньи твоём надежде
Тебя буду любить я, как прежде,
Ты мой сказочный сон,
Что не тает с восходом.

Но прекрасные очи,
Твои прекрасные очи,
Пусть не встречу уж я,
Но буду помнить всегда.

Текст следующей песни, который, на первый взгляд, кажется простым, при внимательном прочтении приоткрывает нам свой скрытый, глубокий смысл. Похоже, что в данной песне затрагивается и евангельская тема: старик-рыбак напоминает апостола Петра (рыбак и ловец душ человеческих). Вино и преломление хлеба отсылает к таинству Евхаристии. В конце концов, рыбак помогает спастись грешнику, а, возможно, и спасти его душу. Более подробный анализ данного текста оставляю читателю.

Рыбак
(Il pescatore)

(Фабрицио Де Андре, 1970)

В вечерних, последних лучах
На пляже пустынном дремал рыбак,
И на лице его борозда
Вроде подобья улыбки была.

Вдруг появился убийца на пляже,
Два по-детски распахнутых глаза,
Глаза ненормальные – страх и смятенье –
Зеркалом были его преступленья.

Попросил старика: "Хлеба мне дай!
Тороплюсь я и с голода умираю".
Ещё попросил немного вина
И сказал: "Хочу пить. Убийца я".

Глаза старика приоткрылись свету.
Не обернувшись на просьбу эту,
Налил вина и хлеб разломил
Тому, кто есть и пить просил.

Тепло этой встречи было моментно,
И он ушёл в направлении ветра.
Закатное солнце играло в глазах,
За спиною его остался рыбак.

За спиною его остался рыбак.
И память его теперь болью жила,
Воспоминанием об апреле,
Где когда-то играл в тени двора.

Двое жандармов затем появились,
В сёдлах они и с оружием были,
И проезжая мимо, спросили:
"Старик, ты случайно убийцу не видел?".

Но... в вечернего солнца последних лучах
На пляже пустынном дремал рыбак.
И на лице его борозда,
Вроде подобья улыбки была.

Песня о погибшем в Первую мировую войну солдате. В Альпах, в районе Тренто проходили кровопролитные, ожесточённые бои между Италией и Австро-Венгрией.

Андрэа
(Andrea)

(Фабрицио Де Андре, 1978)

Андрэа пропал, пропал и не сможет вернуться.
Андрэа пропал, пропал и не сможет вернуться.
У Андрэа была, была любовь, чёрные кудри.
У Андрэа была, была боль, чёрные кудри.

В бумаге, написано: умер, умер на стяге.
И подпись, королевская подпись стоит золотая.
Сражён в горах Тренто из пулемёта.
Сражён в горах Тренто из пулемёта.

Лес один видит: королевский крестьянин, профиль француза.
Лес один видит: королевский солдат, профиль француза.
И Андрэа лишился любви, редчайшей из жемчужин.
У Андрэа гримаса боли, мрачнейшая из жемчужин.

Андрэа сбирал, фиалки сбирал, да у края колодца.
Андрэа бросал кудри чёрные, да внутрь колодца.
Ведро проскрипело: "Синьор, колодец глубок,
Глубже, чем дно глубин глаз ночи плача".
Он ответил: "Мне хватит, мне хватит того, что он глубже меня".
Он ответил: "Мне хватит, мне хватит того, что он глубже меня".

Знаковая песня Де Андре, затрагивающая болезненные проблемы юга Италии – безработицу, коррупцию и мафию. Прототип героя песни – реальный босс каморры, Раффаэле Куголо (1941-2021), который, находясь в заключении, прослушал эту песню, весьма лестно отозвавшись об авторе, которому, по его словам, удалось передать и его личность, и общую атмосферу в тюрьме. Простые, бедные жители Юга, не найдя правды и защиты у чиновников, зачастую вынуждены обращаться в решении своих проблем к криминальным авторитетам. Тема припева взята из песни Доменико Модуньо про неаполитанский кофе (см. стр. 32).

Дон Раффаэ
(Don Raffaè)

(Фабрицио Де Андре в соавторстве с
Мауро Пагани и Массимо Бубола,
перевод с неаполитанского, 1990)

Меня зовут Паскуале Кафьеро,
Я – бригадир тюремной смены.
Меня зовут Кафьеро Паскуале,
С 53-го в "Поджо Реале[1]".
И после сотни тюремных засовов
Выжатым чувствую себя я лимоном,
Но, на удачу, в одной из камер
Есть гений – беседую с ним вечерами.

Среди сутенеров, бандитов,
Холуев, подонков и рогоносцев,
Вся моя жизнь средь этих отбросов,
Что злобно шипят, угрожая мне местью.
Но вот сажусь в важную позу,
Расстегнув китель, читаю обзоры.
Мой собеседник – дон Раффаэ,
Под кофе всё разъясняет мне.

Ах, как кофе нравится мне!
Он прекрасен, хоть это тюрьма.
Лучший кофе – от Чиччиринеллы,
По нарам соседа,
Рецепту мамá.

Новости первой страницы:
Везде – произвол, официальные лица
Всё возмущаются, всё обязуются,
Но, как всегда, сдадутся иль сдуются.
Думаю, пот вытираю со лба –
Но вот фортуна! – все эти дела
Растолкует авторитет:
Дон Раффаэ на всё даст ответ.

Многодетный, приличный мужчина,
Просит дом, но тянут резину,
А в автодоме асессора, Боже, прости,
Живут норки, вот паразит!
Вам лишь пальцем пошевелить,
Чтоб проблему любую решить.
Моё почтенье, три часа, вроде...
Спремуту[2] желаете или же кофе?

Ах, как кофе нравится мне,
Он прекрасен, хоть это тюрьма.
Лучший кофе от Чиччиринеллы,
По нарам соседа,
Рецепту мамá.

Снова инфляция и девальвация,
Кто при деньгах, а кто на бобах.
Нам не прожить на мою зарплату,
На куш в лотерею – надежды папá.
Добавим сюда мою дочь Инноченцию[3],
Выскочить замуж ей очень не терпится.
Милости я не прошу себе, нет...
Побреетесь сами, иль позволите мне?

Вы в пальто из верблюжьей шерсти
Были блестящи в судебных процессах.
Костюмчик в полоску, вроде коричневый,
Как нам показалось по телевизору.
К свадьбе, Ваше Превосходительство,
Его б одолжили мне для представительства.
Имею ботинки, жилет почти новый...
Кампари[4]? Или сварить кофе снова?

Ах, как кофе нравится мне,
Он прекрасен, хоть это тюрьма.
Лучший кофе от Чиччиринеллы,
По нарам соседа,
Рецепту мамá.

Здесь нет позолоченных камер,
Может, их вообще не бывает...
Эти – убоги, у чиновников ведь
Иммунитет: им не сидеть.
Дон Раффаэ, Вы в политике,
Уверяю Вас, были б святым.
Но, однако, здесь Вы сидите,
А на воле – они, правят миром.

Кстати, есть у меня ещё братец,
Без работы уже лет пятнадцать.
Участник сорока соисканий,
Сотен опросов, опротестований.
Всем даёте работу и место,
Руку целую Вам, Преосвященство:
Живёт он у нас и на наши деньги...
Ах, что за пенка у арабики этой!

---

[1] – тюрьма в Неаполе
[2] – свежевыжатый сок
[3] – имя, означает невинность, чистоту, непорочность
[4] – вид итальянского ликёра

Цикл песен"Благая Весть" ("Buona Novella", 1970) основан на текстах апокрифических Евангелий, и посвящён важным этапам жизни Девы Марии – от Введения во храм, до распятия Сына, Иисуса Христа. Этот цикл был очень популярен в Италии, достаточно сказать, что его исполняли в церквях. На примере его мы можем увидеть, насколько различно восприятие христианства западного направления от православного. На Западе делается акцент на чисто человеческих ощущениях и переживаниях, духовной составляющей как бы и нет. Подобное восприятие жизни Христа свойственно западно-христианской культуре в целом, и Де Андре в данном случае выражает общую тенденцию Запада в отношении содержания Нового Завета.

Характерно, что в начале цикла звучит "Хвала Господу" в исполнении хора, но в конце тот же хор поёт уже "Хвалу Человеку", что не может не вызывать недоумения у православного слушателя. Но это не удивительно, так как Де Андре воспринимал Христа не как Богочеловека, а как величайшего в истории революционера. И такой взгляд на Спасителя типичен для современной постхристианской Европы.

В песне, посвящённой Благовещению Пресвятой Богородицы ("Сон Марии") поначалу говорится, что "Ангел явился ко Мне в этот вечер...", то есть в явном виде, но потом автор утверждает, что это был сон, пусть и вещий. В Евангелии же нигде не говорится, что Благовещение произошло во сне. Да и само по себе повествование от лица Богородицы кажется довольно дерзким.

Детство Марии
(L'infanzia di Maria)
(Фабрицио Де Андре)

Может, в часу третьем, может, в часу девятом,
С нашитыми лилиями на платьице нарядном,
Наверное, было так надо, это неведомо нам,
В три года от рожденья Тебя ввели во храм.
В три года от рожденья Тебя ввели во храм.

И уже не грудь Анны средь стен аскетично скромных
Утешала Твой плач, утоляла жажду и голод.
Говорят, Тебе явился ангел, судьбоносный час указав,
И предназначенье пред Богом предначертав.
Предназначенье пред Богом предначертав.

Тают снега на солнце, покорно уходят в море,
Ветры, резвясь, играют, сезонов сменам вторя,
Не для Тебя, Мария, Ты в храме голову склонила.
Не для Тебя, Мария, Ты в храме голову склонила.

И когда священники Тебе отказали в крове –
Для них Твоя весна была Твоей виною,
Но было Тебе двенадцать и никакой вины боле:
Твоя непорочность и детство в неволе.
Твоя непорочность и детство в неволе.

Тебе хотели дать мужа, пусть Ты не хотела,
Искали на улицах, стуча во все двери,
Тех мужчин, что без жён, охочих девичьего тела,
Телá девственниц – главный приз лотереи,
Телá девственниц – главный приз лотереи.

И вот тебе, Иосиф, пришельцу из прошлого,
Плотнику не по призванию, лишь по нужде,
Выпало странной судьбой получить хорошенькую,
Ещё одну дочь непонятно зачем,
Девочку, которую ты брать не хотел.

И вот ты уходишь, быть усталым уставший,
Держа девочку за руку, грусть свою обнявши,
Зачем священники Её отдали – ты задался вопросом –
Этим слишком костлявым пальцам, чтобы взять эту розу,
И слишком старому сердцу, что любить уж не может?

Согласно полученному приказанию Иосиф привел
Девочку в свой дом,
И выехал за пределы Иудеи на заработки.
Он оставался вне дома четыре года.

Возвращение Иосифа
(Il ritorno di Giuseppe)

(Фабрицио Де Андре)

Гаснет закат, и звёзды
Гурьбой овладели сводом.
Их огоньки скрупулёзно
Вникают в ночные законы.

Ишак цоканьем монотонным
Пройденный путь отмеряет –
Спутник к порогу родному
По дню, что уже догорает.

Пустыня вокруг, только где-то
Толика жизни в пространстве
Малюсеньких, редких фрагментов
Природы усилий напрасных.

Люди песков суровы
С профилями убийцы
В безмолвности вечной оковах
Этой тюрьмы без границы.

И с запахом Иерусалима
Рука ощущает черты
Худенькой куклы наивной,
Что сделал из дерева ты.

Её Ты оденешь, Мария,
И вернёшься к играм своим
В те далёкие детские годы,
Что числом так были малы...

В твои прилетела объятья,
Как будто ласточка с неба,
И, как слёзы твои, Её пальцы
По челу пробежали несмело,
Чем ранее пренебрегала.
Теперь тебе напоминает
Её нежность – улыбка святая,
Взаимность почти вымоляя.

Но изумленье в твои очи
Пришло с ощущеньями рук:
Пустых, где худые плечи,
И на боках наполненных вдруг
Той отчётливой формой
Жизни новой,
Секрета, что, становится явью,
Когда наливается чрево.

И тебе, что искал оправданья
Обману, что не зрел на челе,
Поведала о предсказаньях,
Что в вещем увидела сне.

Сон Марии
(Il sogno di Maria)
(Фабрицио Де Андре)

В утробе храма, сырой и тёмной,
В пропитанной ладаном келье холодной
Ангел явился ко Мне в этот вечер,
Молитву новую учить Меня речить.

И, как-то вдруг, освободил Мои длани,
И руки Мои крыльями стали.
Спросил он Меня: – Ты знакома ли с летом?
И я лишь на день, и одним лишь моментом
Взлетела увидеть каков цвет у ветра.

Тотчас над крышами мы воспарили,
Полетев за врата, огороды и нивы.
И очутились в цветущей долине,
Там, где лоза обвивает оливы.

И спустились туда, где теряется день,
Себя чтоб найти средь зелёных ветвей.
И он говорил как будто молясь,
И после каждой молитвы, в конце
Перебирал Мне, как чётки, позвонки на спине.

И ангел сказал: не бойся, Мария,
Ты удостоилась милости Божьей,
И через неё зародишь Его Сына...

Сгустились длинные тени жрецов,
И сон оттеснили в круг голосов.
Взамахами крыл Мне бы их разогнать,
Но крылья руками стали опять.

Ангел в комету вмиг превратился,
И стали камнями суровые лица,
И контуры рук их стали ветвями
В жестах застывших странной их жизни,
Листьями – кисти, а пальцы – шипами.

Звуки снаружи голосов неизвестных
Отняли сон, возвратив в мир телесный.
Образ бледнел, палитру теряя,
Но эхо далёкое вновь повторяло

Ангела странной молитвы слова,
Она то ли сном, то ли явью была:
– Его будут люди звать Божьим Сыном...
...Слова смешались в Моей голове,
Впечатались в плоть и исчезли во сне...

И стихло последнее слово,
И вдруг обратилось слезами.
И страх, соскользнув с Моих губ,
Встал пред Моими очами,
Полуприкрытых век
В спокойствии ложном,
В ожидании, что изнуряет,
Под снисходительным взором.

И он прикоснулся с опаской
Дрожащей рукой до чела:
Смущаясь, старик дарит ласку,
Боясь, что она не нежна...

Аве Мария
(Ave Maria)
(Фабрицио Де Андре)

Ты проходишь, Мария, мимо людей,
Что расступились, пропуская Тебя
Сквозь изгородь взглядов любопытно-беззлобных:
На Той кто Матерью стать должна скоро.

Через час, может быть, Ты заплачешь,
Потом ладонь вновь улыбку скроет.
Радости с болью так тонка граница,
Когда изнутри яркий свет исходит.

Аве, Мария, Ты теперь стала Донной,
Аве всем женщинам, как Ты, Мария!
Женщинам, живущим в любви бездонной,
К богатым иль бедным, к падшим или Мессии.

Женщин – однажды, матерей – навсегда.
Славься их время, во все времена!

Мария в мастерской плотника
(Maria nella bottega d'un falegname)
(Фабрицио Де Андре)

Мария:
Плотник, молотком своим
Что стучишь "ден-ден",
И рубанок по доске
Твой скользит "френ-френ"?
Мастеришь тем костыли,
Кто на войну ушли?
Кого из Нубии домой
На руках несли?

Плотник:
Молоток не им стучит,
Я не для них строгал,
Ног безногим инвалидам
Мне никто не заказал,
Но три креста: два для тех,
Кто дезертировал, чтоб красть,
А самый бóльший для Того,
Кто призывал не воевать.

Люди:
И в висках уснувших улиц
Города всегда
Молоток стучит, как сердце,
И не смолкнет никогда.
Плотник, эй, на этих досках
Столько тел уже!
И ещё рубанком сколько
Ты их сделаешь?

Мария:
На открытых этих ранах,
Что ты дереву нанёс,
Плотник, на порезах рваных
Капель крови нет и слёз.
Почему? – нам объяснили б
Тех несчастных голоса,
Тех, чьи лица побледнеют
На твоих крестах.

Плотник:
Эти доски принесли мне,
Чтоб мой пот обильный
В образ трёх людских страданий
Их преобразил бы.
Слёзы Думаха и Тита
На щеках увидят,
Ну а этот, самый больший,
Сына Твоего обнимет!

Люди:
От дороги дальше в гору
Твой несут "ден-ден",
Вся долина Иордана
Знает твой "френ-френ".
И бредут с тоской вперёд,
Жаждою томимы,
Их ждёт тот, кто поднесёт
С тряпки уксус им.

Три матери
(Tre madri)
(Фабрицио Де Андре)

Мать Тита:
Тит, хотя ты Сыном Божьим и не был,
Но мать с тобой умирает, воздев руки к небу.

Мать Думаха:
Думах, родной мой, должен ты знать,
Что страдает больше, чем ты – твоя мать.

Две матери:
Так много слёз льёшь Ты, Мария,
Видя мученья любимого Сына.
Знаешь, в день третий Он к жизни вернётся,
И снова сможет увидеть солнце.
Позволь нам оплакивать немного сильнее
Тех, кто из смерти восстать не сумеет.

Мать Иисуса:
Я пла́чу – Меня покидают Его
Руки худые, лик и чело,
Его жизни частица едва лишь жива,
И на глазах угасает она.

Сын, Ты в крови, но Ты в сердце Моём,
Господом нашим Тебя назовём,
Те, кто в усталой улыбке Твоей
Рая частицу ищет себе.

Для Меня Ты лишь сын, покидающий мир,
Я носила Тебя под сердцем Своим,
Но, как и во чреве – на кресте Мной любим,
С любовью зову Тебя, милый Мой Сын!
Но если б Ты не был Сыном от Бога,
Имела б, по-прежнему, Я Сына живого.

Джорджо Габер

(1939 – 2003)

Настоящая фамилия автора-исполнителя – Габерщик – имеет славянские корни: его предки родом из Словении. Родился в Милане.

Джорджо Габер – ещё одна значимая фигура в итальянской бардовской песне. Певец (четыре участия в фестивале Сан-Ремо), актёр (четыре фильма), театральный режиссёр, телеведущий, продюсер, композитор, общественный деятель, автор песен. Рупор эпохи и интеллектуал.

Разнообразны и музыкальные жанры, в которых работал Габер. В молодости он, как и Челентано, увлекается американской музыкой, в особенности рок-н-роллом (конец 50-х – начало 60-х) и даже некоторое время играет в группе у Адриано. Затем знакомится с Луиджи Тэнко и создаёт с ним свой ансамбль. Позже начинает писать свои собственные песни и миниатюры в прозе. Некоторое время работает на телевидении, но ему становится тесно в рамках телевизионных проектов, и он меняет свою жизнь, уйдя с телевидения: создаёт совместно с Сандро Лупорини театр песни, где ярко раскрывается его талант автора и режиссёра. Театр смешанного жанра, где в спектаклях проза чередуется со стихами и песнями. Поднимаются темы политики, современного общества, места простого человека в нём – с элементами и грусти, и лёгкой иронии. С 1970 по 1992 год – более двадцати лет! – длятся театральные сезоны Габера.

Подборка переводов песен Габера начинается с ранней любовной лирики. 60-е годы XX столетия и у нас, и в Европе наблюдался расцвет поэтического и песенного жанра, песни были наполнены романтикой, любовью и позитивом, что, пожалуй, можно объяснить постепенным налаживанием послевоенной мирной жизни: люди верили в светлую будущую жизнь, что отражалось и в творчестве.

В более поздних произведениях Габер всё чаще поднимает острые социальные и политические темы.

Несколько ранних песен Габера. Конечно, про любовь!

Не красней
(Non arrossire)

(Джорджо Габер – Мария Монти, 1961)

Прошу, не красней,
Мой взор уловив.
Сердечку скажи:
Не дрожи, не дрожи.

Не бойся меня,
Поцелуй подари,
Будь рядом со мной,
А страхи – гони.

И наша любовь
Никогда не умрёт,
Ты меня обними,
А затем – отпусти.

Не страшись ничего,
И меня не держи.
Это не повредит
Настоящей любви.

Я прошу, не красней,
Под взором моим,
И сердечку скажи:
Не дрожи от любви.

Ночные улицы
(Le strade di notte)
(Джорджо Габер, 1961)

Улицы ночью
Кажутся больше
И немного грустнее
Оттого, что вокруг – никого.

Мысли ночью
Кажутся больше
И, может, грустнее
Оттого, что вокруг – никого.

Хочу бежать домой,
Хочу бежать к тебе,
Чтоб сказать: "люблю тебя!
Ты нужна мне".

Надеюсь, ты тоже не спишь,
Не хотелось тебя разбудить.

Хочу бежать домой,
Хочу бежать к тебе,
Чтоб сказать: "люблю тебя,
Ты нужна мне".

Надеюсь, ты тоже не спишь,
Не хотелось тебя разбудить.

Про то, как настоящая любовь проходит испытание временем.

Цветная открытка
(La cartolina colorata)

(Джорджо Габер, 1961)

Увы, мы однажды решили:
Не надо, не надо, пожалуй, не надо
Продолжать наши встречи.
Был последним тот вечер.

Прошло лето, за ним прошла осень…
И красивую открытку цветную
Получил, вдруг, под Рождество.
Но зачем ты прислала её?

Ведь мы однажды решили:
Не надо, не надо, пожалуй, не надо
Продолжать наши встречи.
Был последним тот вечер.

Прошло лето, за ним прошла осень…
И самую красивую открытку цветную,
Решил послать тебе на Рождество.
Но, не отправил:
Лишь взглянул на неё,
Бросил всё, и поехал в твой город.

Готовый сюжет для картины художника-импрессиониста.

Станция у моря
(Una stazione in riva al mar)

(Джорджо Габер, 1962)

Забытая станция возле моря
В конце сезона меня приютит
С газетой и кофе в местном кафе,
С мыслями о тебе.

И буду смотреть на море,
Чтоб лета последний миг уловить,
С газетой и кофе в местном кафе,
С мыслями о тебе.

Забытая станция возле моря,
Где нет поездов, где цветы одни,
С какой-то совсем не нужной болью
Воспоминания о любви.

И буду смотреть на море,
Чтоб лета последний миг уловить,
С газетой и кофе в местном кафе,
С мыслями о тебе.

С газетой и кофе в безвестном кафе,
С мыслями о тебе.

Компиляция из двух вариантов песни: 1971 года – о состоявшемся церковном соборе, и 1995-1996 годов – времени папства Иоанна Павла II (Войтылы). Высмеиваются приспособленчество и нововведения католической церкви. Габер, по его словам, верил в Бога, но не относил себя к католической церкви.

Церковь обновляется
(La chiesa si rinnova)

(Джорджо Габер, 1971-1996)

Мир куда-то спешит, продолжает меняться.
Чтобы быть на плаву, все должны обновляться.
Так и Церковь, хочет стать лучше, старается,
И, время от времени, собор собирается.
Двадцать пять тысяч падре со степенством большим
Из каждой страны съезжаются в Рим.

Ради общества нового наша Церковь старается.
Чтоб спасти людей от греховного – она обновляется.

Всем этим синьорам отдать надо должное:
Их сделали лучше дела неотложные.
И спустя столько лет, что на латыни служили,
На итальянском мессу нам разрешили.

Кто в пятницы с рыбы устал, наконец,
Теперь запросто сможет зажарить бифштекс.
И после тыщи дискуссий они порешили:
Всем падре штаны носить разрешили.

Ради общества нового наша Церковь старается.
Чтоб спасти людей от греховного – она обновляется.

В мире так много проблем в наши дни,
В их решении Церковь всегда впереди.
Если скажут: развод Церковью неприемлем,
Борьба не закончится – есть ещё референдум.

Если где в мире случается драма,
Всем Папа готов послать телеграмму:
В тексте он тронут, удручён, солидарен,
Он сожалеет, как и любой нормальный.

Ради общества нового наша Церковь старается.
Чтоб спасти людей от греховного – она обновляется.

Мир куда-то спешит, продолжает меняться.
Чтобы быть на плаву, всё должно обновляться.
Вот и Церковь, что должна, вроде, следовать догмам,
Изменяет их, изобретает новые.

Чтоб показать преодоление кризиса,
Новым мир одарили они катехизисом,
Где всё актуально, где всё современно,
Где в ад не войдёшь, даже выиграв тендер.

Ради общества нового наша Церковь старается,
Чтоб спасти людей от греховного – она обновляется.

Но что пугает, так смелость идеи,
Что пора, наконец, оправдать Галилея.
И, если развёлся, хочешь – снова женись,
Пока ты в порядке, и не слишком блудишь.
Венчанье повторное не менее свято,
В приходе другом, проведённое тайно.

Напоследок. Известно от одного журналиста,
Он мне как-то шепнул: Папа стал… коммунистом!

По поводу этой песни Габер говорил, что у каждого человека должна быть жизненная энергия, свой внутренний стержень, дающий устойчивость к жизненным проблемам и стрессам. А если такого стержня нет, то...

Шампунь
(Lo shampoo)
(Джорджо Габер, 1972)

Неважный денёк,
Один дома сижу,
Жизни упрёк –
Ничего не могу,
Нет спасенья нигде, куда ни плюнь,
Хотя… вот: у меня ж есть шампунь!

Шампунь?

Да, денёк нынче странный,
Не колышется и лист.
В голове моей вата,
Ни желаний, ни сил.
Нет пути для спасенья, куда ни плюнь,
Хотя... есть одно средство – это шампунь!

Шампунь? Да, шампунь!

Ш-ш-ш-ш-шумит вода, журчит вода,
Горяча, холодна, горяча...
Вот!
Шампунь красный или жёлтый, что мне лучше выбрать?
Тот!
Пена мягка, нежна, бела, легка, невесома,
Похожа на сливки, на снег немного.

Пена – хорошая вещь, как мама,
Которая гладит головку, когда загрустил и устал:
Мама вся в белом, странная мама.

Смываю, смываю, смываю!

Второй проход.

Уверен, всё же лучше другой, тот, жёлтый, без кам...фары.
Он дороже, конечно, но избавляет от перхоти до... поры.
Пена мягка, нежна, бела, легка, невесома,
Похожа на сливки, на снег немного.

Пена чиста, как молоко, что очищает изнутри.
Пена сакральна: делает чище несчастных, удручённых и угнетённых.
Целый водопад молока: им смывается типичная для итальянцев тревога.
Пена сакральна, как индийская корова!
Смываю, смываю, смываю!
Ф-ф-ф-ф-ф ...фен.

Эта произведение – яркий пример неподдельного и неувядающего интереса итальянцев к политике:

Конформист
(Il conformista)
(Джорджо Габер, 1997)

Я, к слову, – человек новый.
Настолько новый, что давно перестал быть фашистом.
Стал чувственным и альтруистом, ориенталистом.
А в прошлом был чуть-чуть шестьдесят-восьмистом[1],
Недолго – экологистом, а пару лет назад в общей эйфории
Распознал в себе, как и все, социалиста.

Я, к слову, – человек новый.
И, слава Богу, в прямом смысле стал прогрессистом,
А также либералистом, антирасистом,
Что замечательно, и анималистом.
И больше не являюсь ассистенциалистом[2],
И в последнее время, немного против течения, бываю федералистом.

Конформисты – всегда на правильной стороне.
Конформисты имеют ясные, красивые ответы в своей голове.
Они – средоточия мнений, держащие под мышкой две-три газеты,
И когда надо подумать, изрекают чужие мысли,
Как отъявленные оппортунисты,
Приспособились и живут в своем отдельном парадизе.

Конформисты – всесторонние люди, и всегда движутся по течению.
Конформисты отлично ориентируются в море большинства,
Они весьма общительные создания, живущие исключительно разговорами.
Ночью им видятся сны других мечтателей,
И каждый день открывает новый праздник пребывания в мире со всем миром.
Они вовремя сворачивают в сторону, плывя куда надо,
Конформисты,
Конформисты.

Я, к слову, – человек новый.
И с женщинами у меня неординарные отношения: я стал феминистом,
Независимым и оптимистом, европеистом,
И никогда не повышающим голос пацифистом,
Хоть и был марксистом-ленинистом
И, чуть позже, не знаю зачем, примыкал к католикоммунистам[3].

Конформисты не догадываются, что похожи на скачущий мячик.
Конформисты эволюционировали в аэростат, раздуваемый информацией.
Этот вид – результат трансформации,
Летающий на малой высоте над поверхностью,
И, трогая пальчиком мир, они самореализуются,
Живут, и этого им уже достаточно,
И я должен признать, что ныне они стали очень похожи на всех нас,
Конформисты,
Конформисты.

Я, к слову, – человек новый.
Настолько новый, что сразу видно: я превратился в нового конформиста.

---

[1] – протестное молодёжное движение конца 60-х годов XX века в Европе, затронувшее и Италию;
[2] – здесь: политика постоянной помощи нуждающимся, препятствующая их включению в производственную жизнь;
[3] – коммунисты-католики (бывают и такие).

О духовном тупике индустриального постхристианского западного мира, где совсем не остаётся места для человека и его души. Характерно, что песня вошла в альбом "Моё проигравшее поколение" ("La mia generazione ha perso", 2001). В самом деле, с восторженных 60-х годов, к которому, собственно, и можно отнести самого Габера, мир сильно изменился, всё чаще люди ощущают безысходность происходящего, и ошибочность пути цивилизации в целом, деградацию общества, распад культуры, что, собственно, и отразилось в этой песне.

Вирши третьего тысячелетия
(Verso il terzo Millennio)

(Джорджо Габер, 1999-2000)

Ты пришёл сказать, что человек уходит
Из земной жизни, от земной боли.
И, как-то индифферентно, он не способен
Вернуться на планету из воздуха и света.

Ты пришёл сказать, что настоящее,
Как любовь, скоротечно и несостоятельно,
Соткано из мечтаний, и не замечаем,
Что мы на конечной, в тупике мирозданья.

Ты пришёл сказать, что всё это – муть,
Что никого больше нет, кто ищет свой путь.
И мы – жертвы, без тени сомнения,
Гибельного безумия, великого смятения.

Пожалуй, ты прав, ты пришёл сказать мне,
Что мы всё куда-то бежим,
И, ускоряя прогресс, уничтожаем наш мир.
Однако, скажи мне, как верить в Бога
В краткий миг жизни, меж колыбелью и гробом?

Ты пришёл сказать, что на свете
Всегда будет война и убитые дети.
И также в поступках, с которыми все согласны,
Нет больше личностей, мы одинаковы – это ужасно!

Пожалуй, ты прав, ты пришёл сказать мне:
Каждый, хоть в это не верим,
Находясь в толпе становится зверем.
Благожелательность цивилизованного мира –
Просто завеса, обыкновенная ширма.

И ты пришёл ко мне, почти крича,
Что спасения нет, мир низвергнулся в ад.
Но я скажу тебе, друг: так будет всегда,
Что творится вокруг не пройдёт никогда.

Копание в себе в поиске итальянца, причём с позитивной концовкой. Джи Джи – прозвище Габера, образованное из начальных букв имени и фамилии (Giorgio Gaber). Произведение вошло в альбом, вышедший уже после смерти автора.

Я не ощущаю себя итальянцем
(Io non mi sento italiano)

(Джорджо Габер)

Я – Джи Джи, являюсь миланцем,
Но не ощущаю себя итальянцем.
Но я – итальянец, к счастью или нет.

Извините меня, президент,
Не моя вина вроде бы,
Но я не понимаю, что такое –
Эта наша Родина.
Может, я ошибаюсь,
И это хорошая идея,
Но боюсь, что получится
Скверное стихотворение.

Извините меня, президент,
Я не ощущаю большой нужды
В национальном гимне,
За него немножко стыдно, увы.
Я не хочу судить,
Футболистам он, может, и важен,
Но наши его не знают,
Или стыдятся даже.

Не ощущаю себя итальянцем,
Но я – итальянец, к счастью или нет.

Извините меня, президент,
Если дохожу до наглости,
Говоря, что не чувствую
Принадлежности даже в малости.
И кроме Гарибальди
И других героев страны,
Я не вижу причин,
Чтобы гордиться, увы.

Извините меня, президент,
Но я не забыл фанатизма
Чёрных рубашек
Времён фашизма,
Из которого родилась
Эта демократия,
Которую, чтобы хвалить,
Требуется фантазия.

Не ощущаю себя итальянцем,
Но, к счастью или нет, я итальянец.

У нашей страны, что красива,
Исполнена поэзии,
Столько претензий наивных...
И в нашем западном мире
Она всегда на отшибе.

Извините меня, президент,
Но вверенное Вам
Государство,
Немного трещит по швам.
И также слишком ясен
Вопрос в глазах граждан о том,
Почему просчитано всё,
Но не работает ничего.

Возможно, итальянцы,
Из-за давней традиции
Слишком увлечены
Разговорами о политике.
Даже в парламенте
Атмосфера накалена,
По любым поводам грызутся,
Но не делается ни черта.

Не ощущаю себя итальянцем,
Но я – итальянец, к счастью или нет.

Извините меня, президент,
Но Вы должны понять,
Что обо всех проблемах, которые есть,
Мы должны рассказать.
А что касается пораженчества,
Мы – те, кем себя ощущаем.
У нас есть прошлое,
Которое не забываем.

Извините меня, президент,
Но, может, итальянцы в мире
Для других – это только
Спагетти и мандолины?
Тогда я прихожу в ярость,
Я гордый, я вхожу в транс!
Я выбью им на лице,
Что такое Ренессанс!

Не ощущаю себя итальянцем,
Но, к счастью или нет, я итальянец.

Это – чудесная страна,
Но у неё путанные идеи.
Она, может, не сильно мудра,
Но если бы я родился в другом месте,
Могло быть ещё хуже для меня.

Извините меня, президент,
Я уже столько наговорил.
Но есть и другое наблюдение,
Которое, думаю, имеет важный смысл.
Возможно, по сравнению с другими,
Мы верим в это не сильно так,
Но, похоже, и мы уже поняли,
Что мир – кукольный театр.

Извините меня, президент,
Я знаю, вы не довольны,
Что крик: "Италия, Италия!"
Слышен лишь на футболе.
Но, чтобы не умереть,
А, может, шутки ради,
Мы объединили Европу.
Теперь давайте объединим Италию.

Не ощущаю себя итальянцем,
Но, к счастью или нет, я итальянец.
Не ощущаю себя итальянцем,
Но к счастью или нет,
К счастью или нет... К счастью!
К счастью, я – итальянец!

Маттео Сальваторе

(1925 – 2005)

Почти всеми забытый даже в Италии автор-исполнитель песен. Его творчество – про жизнь обитателей юга страны – Апулии. Композитор и певец из народа, интерпретатор традиционных песен области Гаргано.

Маттео Сальваторе родился в 1925 году в Апричене (регион Апулия) в крайне бедной семье. Отец работал землекопом, мать просила милостыню в близлежащих деревнях. Денег не хватало даже на еду, его сестра умерла от постоянного недоедания.

Маттео учился играть на гитаре у старого слепого музыканта, который в течение пятнадцати лет знакомил его с местными традиционными песнями. Одновременно работал подмастерьем в магазине и муниципальным глашатаем, что позже отразилось в его творчестве. Затем уехал в Рим в поисках заработка.

Получив в подарок гитару, он начинает вспоминать тексты и музыку, возникающие из памяти детства, сочиняет на их основе свои, и исполняет их в римских тратториях. Практически все его баллады – это воспоминания о жизни в Апричене между 1925 и началом 1950-х годов.

В 1955 году записывается его первая пластинка, приходит известность, заграничные туры и слава. Благодаря Маттео, впервые на итальянском радио зазвучали песни на апулийском диалекте. Признаётся в кругах творческой интеллигенции чуть ли не единственным на то время популяризатором народной культуры в Италии – его творчество высоко ценил известный писатель Итало Кальвино, а Еугенио Беннато называл великим поэтом бедных людей юга Италии".

Но после взлёта 60-х была и тюрьма с 1973 по 1977, и годы забвения на радио и телевидении в конце 70-х и в 80-е. Эпоха бардов и романтиков подходила к концу. На смену им пришла коммерческая эстрадная и рок-музыка. Снова начался период выживания. В начале нулевых, благодаря друзьям, выходит книга воспоминаний с диском неопубликованных ранее баллад. Благодаря этому вновь начали организовываться концерты. Апофеозом его творчества становится концерт в Турине перед 25 тысячами зрителей за год до его смерти.

Умер Маттео Сальваторе в 2005 году в Фодже и похоронен у себя на родине, в Апричене. Мир стремительно меняется, и сейчас в Италии уже мало кто знает о Маттео Сальваторе и его творчестве. В начале 2000-х годов автор этой книги пытался найти какие-либо записи Маттео в музыкальных магазинах Милана, но молодые продавцы даже не понимали, о ком идёт речь.

Наследием творчества Маттео Сальваторе остались книга воспоминаний, девять долгоиграющих грампластинок (1963 – 1978), шесть компакт-дисков (два вышли после его смерти), и три фильма о нём. На юге Италии всё ещё проводятся фестивали-концерты, посвящённые творчеству Маттео.

Удивительный тембр голоса, интонации и близкая к архаичной мелодика его песен завораживает. Кажется, что его творчество выходит из глубины веков, из самого сердца обитателей юга.

В изучении творчества Маттео Сальваторе было немало сложностей, как в поиске материала, так и в переводе с апулийского диалекта: в сети интернет крайне мало доступных текстов этого автора, да и те выполнены записью "на слух", с весьма вольной орфографией.

В создании данного раздела использованы материалы с сайта **https://www.antiwarsongs.org**.

Очень помогло в переводах исследование творчества Маттео Марии Луизы Шиппа с переводом на итальянский и комментариями.

Одна из самых известных песен Маттео, актуальная и в XIX веке, и в XX, да и в новом тысячелетии, где рабство человека изменяет свои формы, становится более завуалированным и изощрённым, но не перестаёт быть рабством... Несмотря на то, что Маттео исполняет эту песню на родном диалекте, её истоки находятся на Сицилии. Была известна на всём юге Италии.

Мой начальник
(Padrone mie)

(Маттео Сальваторе, 1954,
перевод с апулийско-фоджанского диалекта)

Шеф, хочу тебя сделать богатым,
Шеф, хочу тебя сделать богатым,
И пахать на тебя, как собака,
И пахать на тебя, как собака.

Ошибусь – хлещи меня плёткой,
Ошибусь – хлещи меня плёткой,
Хочу сдохнуть, на этой работе,
Хочу сдохнуть, на этой работе.

Дома куча детей просит хлеба,
Дома куча детей просит хлеба,
Кто даст его им? Лишь я, их папá,
Кто даст его им? Лишь я, их папá.

Пожалуй, самая известная песня Маттео Сальваторе. Именно с неё началось моё знакомство с его творчеством. Впервые услышав эту песню на петербургском радио (!), я захотел узнать поподробнее о творчестве этого малоизвестного автора. Красивая мелодия, простые слова и удивительно проникновенный голос.

Моя любовь
(Lu bene mio)

(Маттео Сальваторе,
перевод с апулийско-фоджанского диалекта)

Ты меня так любишь,
Тайком от мамы сбегаешь,
Ты любовь мне даришь,
Любимая моя!

Я люблю тебя,
Я жить без тебя не могу.
Ты самая прекрасная,
Любимая моя!

Пусть мама твоя запрещала,
Но мы с тобой убежали,
Встреча с тобой так желанна,
Любимая моя!

Ты меня так любишь,
Тайком от мамы сбегаешь,
Ты любовь мне даришь,
Любимая моя!

В этой песне Маттео абсурдом восхваления обличает сущность империалистической войны: богатые становятся богаче, а бедные – беднее. Из сборника "Страсти по Маттео".

Виват, война!
(Viva la guerra!)

(Маттео Сальваторе,
перевод с апулийско-фоджанского диалекта, 1956)

Виват, война! Виват, война,
Ты всегда хороша!
Виват, война!
Кому – мать родна, а у кого – кастрюля пуста.

Виват, война! Виват, война!
Кто богатеет, у кого – ни угла.
Виват, война! Виват, война!
Кто богатеет, у кого – ни угла.
Кто богатеет, у кого – ни угла.

А солдат свой дом покинул, дом покинул безвозвратно.
А солдат свой дом покинул, дом покинул
безвозвратно…

Виват, война, виват, война.
Кто богатеет, у кого – ни угла.
Виват, война, виват, война.
Кто богатеет, у кого – ни угла.
Кто богатеет, у кого – ни угла.

Виват, война… виват, война…
Виват, война…
Если б мы могли убить тебя, война,
Тебя и того, кто придумал тебя...
Тебя и того, кто начал тебя, война.
Ты разорила всех!
Ты разорила всех:
Молодых, старых, хороших, плохих…
Виват, война! Виват, война!
Кто богатеет, у кого – ни угла…

Следующая песня со всей остротой показывает крайнюю степень нищеты и безысходность положения крестьян Апулии конца XIX и первой половины XX века. Песня вошла в альбом "Сельские и народные песни и истории".

Вечно бедные
(Sempe povere)

(Маттео Сальваторе,
перевод с апулийско-фоджанского диалекта)

"Stato status dominus dobenus subissus ammenus[1]", –
говорили наши отцы.
Государство во все времена вязло в отмелях Эболи[2].
Государство – бездушный волк из камня.
Оно не кусает, потому что у него нет зубов, но не
перестаёт быть волком, и бедные овечки юга,
без еды и пастыря, боятся его.
Мощь Закона не способна защитить немощных бедных.

Вечно бедные живём мы на свете,
В нищете умирают дети.
В этих тёмных, ветхих халупах
Никогда не настанет утра.

Кто здоров не верит тем, кто болеет.
Тот, кто сыт, голодным не верит.

Нету места для нас в мире этом,
К вечно бедным жалости нету.
Есть старинная поговорка:
"Не трожь мякину – грызи корки".

Мякину съешь на скорбный свой ужин
В тусклом свете свечи, и просто усни[3]...

---

[1] – Государство – власть, разоряющая поборами (вульг. лат.)
[2] – город на юге Кампании. Вероятно, ссылка на книгу Карло Леви "Христос остановился в Эболи" (Иностранная литература, М. 1955 г, стр.44: "Неожиданное несчастье обрушилось на него, унесло и бросило, как обломок, на эту далекую и негостеприимную отмель.")
[3] – символизм Маттео: пока молод и есть зубы – грызи корки. Мякоть оставь на беззубую старость, поешь её напоследок, перед смертью:

Пока есть зубы – грызи корки.
Храни мякиш на беззубую старость,
В двух шагах от света свечи
Надвигающейся ночи.

В юности Маттео одно время работал глашатаем, отсюда появился целый ряд зарисовок-воспоминаний, отражающий приметы повседневной жизни ушедших времён.

Указ муниципалитета
(Il bando del comune)

(Маттео Сальваторе,
перевод с апулийско-фоджанского диалекта)

Честной народ! Слушай! Слушай! Слушай!
По приказу его превосходительства мэра
запрещается старикам и мальчикам
пúсать на стены,
так как поступила жалоба делегату,
а делегат сказал вице-мэру,
а вице-мэр сказал асессору гвардии,
асессор гвардии сказал бригадиру гвардии,
а бригадир гвардии сказал капралу,
а капрал сказал гвардии,
а гвардия сказала старшему дворнику,
а старший дворник сказал дворнику,
а дворник сказал мне, и я говорю вам,
что если жандармы, проходя мимо, увидят,
то отрубят вам голову, и вы умрёте!

Уведомление о мясе
(Il bando della carne)

(Маттео Сальваторе,
перевод с апулийско-фоджанского диалекта)

Честной народ! Слушай! Слушай! Слушай!
В мясной лавке Паскуале Камичалонги[1] в продаже мясо всех сортов!
Филе, мякоть и телятинка тем, у кого с деньгами нет проблем.
Для работников муниципалитета – сорт номер два –
половинная цена: говядина, кастрат[2], козлятина, овца.
Для бедных – третий сорт – мясо,
что чуть воняет, но и стоит не много:
кости, рёбра, голова и торчащие рога!

---

[1] – Длинная Рубашка
[2] – кастрированный баран (баранина)

Песенка-зарисовка отлично отражает атмосферу рынка юга Италии. В первом четверостишии продавец зазывает покупателей "в прозе", далее – в задорной песне.

Продавец рыбы
(Il pescivendolo)

(Маттео Сальваторе,
перевод с апулийско-фоджанского диалекта)

Уэ-э! Налетай! Свежая рыба, только поймал!
Бери кефаль, бери угря!
Вот кальмары, вот треска!
Уэ-э, красавица, нравится рыба, красавица? Уэ-уэ-уэ!

Добрым выдалось нынче утро,
Закинул в море сети метко.
Много рыбы в рыбной лавке,
Подходи и покупай!

Уэ-э, рыба, крабы и кальмары,
Весь улов мой перед вами.
Продам за дёшево только тебе,
Ах, почему, почему же я женат!

Спешите женщины со всей деревни,
Спешите донны и молодки.
Подставляйте-ка подолы,
И готовьте сковородки.

При переводе следующей песни автор этой книги позволил себе некоторые вольности и отсебятину в виде рифм, которых нет в исходном тексте и более строгий размер первых двух куплетов, которые в оригинале не поются, а проговариваются. Но смысл, идея и настроение песни переданы более-менее точно.
Многие итальянцы с юга Италии вынуждены были в поисках работы перебираться в северные, промышленные районы страны.

История эмигранта
(La storia dell'emigrazione)

(Маттео Сальваторе,
перевод с апулийско-фоджанского диалекта)

Мальчик мой, мальчик, будь молодцом,
Желаю удачи, удачи в пути.
Дай знать, если вдруг тебе повезёт,
Дай знать, и меня позови.

Ухожу по пыльной дороге вдаль,
Лишь звон колокольный меня провожает,
Ухожу со слезами в глазах, милый край,
Вернусь ли назад, кто знает?
Так счастливы будьте, родные мои,
И, порой, вспоминайте меня, земляки.

Ухожу, ухожу далеко.
Оставляю друзей и свой дом.
Оставляю их с болью в груди,
Сохраняя в сердце своём.

Ухожу, чтоб работу найти,
Чтоб купить немного еды.
Ухожу, чтоб работу найти,
Чтоб купить немного еды.

Судя по сюжету и мелодике, истоки следующей песни нужно искать в народном творчестве XIX века, а может, и раньше.

Пастух
(Lu pecurere)

(Маттео Сальваторе,
перевод с апулийско-фоджанского диалекта)

Пастух по дороге к Мурдже идёт
Овец пасти, один, совсем один.
Осталась любимая в деревне,
И, чтобы снова обнять, ждёт его.
Ой, милая моя, ты болеешь,
И я молюсь, чтоб ты была здорова.

А я всё иду, я уже в Гаргано,
Нашёл часовню и зашёл в неё.
Там служат мессу, мессу Мадонне
Коленопреклонённые монахи.
И зажигает духовник лампаду,
Лампаду зажигает каждый вечер.

Одна из историй войны всех времён, которую ведут богатые против бедных. Жестокие нравы и произвол, царившие в начале XX века на юге Италии в отношении к бедным людям нашли своё отражение в этом жутком повествовании. Голодную крестьянку Терезину схватили на поле хозяина, когда она пыталась собрать немного плодов. Хозяин, узнав о попытке кражи с его земли, приказал убить её и скрыть следы преступления.

Баллада о Терезине
(La ballata di Teresina)

(Маттео Сальваторе,
перевод с апулийско-фоджанского диалекта)

– Схвати-ка Терезину,
Вздёрни на дереве и уходи.
Схвати-ка Терезину,
Вздёрни на дереве и уходи.

Оставь её висеть,
Пусть мухи её едят.
Оставь её висеть,
Пусть мухи её едят.

– Хозяин, я сделал всё,
Всё, что ты приказал,
Хозяин, я сделал всё,
Всё, что ты приказал.

– Ночью мы снимем её,
Карабинеры её не найдут.
Ночью мы снимем её,
Карабинеры её не найдут.

Затем отвяжи мастифов,
Пусть до костей обгрызут.
Затем отвяжи мастифов,
Пусть до костей обгрызут.

Ну, а что останется –
Брось в колодец.
Ну, а что останется –
Брось в колодец.

Сторож отступил
С сердцем тяжёлым, унылым.
Сторож отступил
С сердцем тяжёлым, унылым.

Он домой не вернулся,
От ужаса застрелился.
Он домой не вернулся,
От ужаса застрелился.

Сюжет и образы этой песни имеют народные корни, и встречаются в целом ряде песен.

Лети, голубка, лети
(Vola palomma vola)

(Маттео Сальваторе,
перевод с апулийско-фоджанского диалекта)

Как ты юна и прекрасна,
Как ты стройна, грациозна!
Мечтаю, будешь ты розой,
Цветущей в моём саду.

Роза средь зарослей сада
Не знает разлуки и боли.
Ты, в общем, ещё девчонка,
Ещё не знала любви.

Лети же, лети, голубка,
Лети в сад мой цветущий,
Роза в шипах колючих
В клетку мою лети.

Лети же, лети, голубка,
Лети в сад мой цветущий,
Роза, полная жизни,
В клетку мою лети.

В сеть, что раскинута ловко,
Голубка моя, попадёшься,
Навеки останешься в клетке,
Навеки будешь моей.

Знаю, ты хочешь этой любви,
Отдашь своё сердце мне навсегда.
Знаю, ты хочешь этой любви,
Отдашь своё сердце мне навсегда!

Фисгармоника
(Fisarmonica cercasi)

(Долорес Олиозо)

Дед, потанцевать желая
Мазурку – свой любимый танец,
В поисках фисгармоники,
В поисках фисгармоники
Перевернул вверх дном весь дом
От погреба до чердака.
И вот она, фисгармоника,
Приглашает танцевать!

Наша фисгармоника снова будет звучать,
Наша фисгармоника снова будет звучать!

Услыхав мотив знакомый,
Бабушка пустилась в пляс:
Играет фисгармоника,
Играет фисгармоника.
Охи, вздохи, повороты –
Юности вернулись годы:
Играет фисгармоника
Приглашая танцевать!

Наша фисгармоника снова будет звучать,
Наша фисгармоника снова будет звучать!

Вихрь чёрно-белых клавиш,
Ты всех вокруг плясать заставишь.
Наша фисгармоника
Всех зовёт танцевать!

Наша фисгармоника снова будет звучать,
Наша фисгармоника снова будет звучать!

Солнечный лучик
(Un raggio di sole)

(Долорес Олиозо)

Солнечный лучик утром проснулся,
Бутона цветочка нежно коснулся,
Того, что спать ещё изволит,
Того, что спать ещё изволит.

Доброе утро! – скажу я тебе,
Доброе утро! – скажу я тебе,
Солнцу навстречу раскройся быстрей,
Доброе утро! – скажу я тебе!

Солнечный лучик утром проснулся,
Клювика птички нежно коснулся,
Той, что не пела спросонья,
Той, что не пела спросонья.

Доброе утро! – скажу я тебе,
Доброе утро! – скажу я тебе,
Время пришло тебе песню запеть,
Доброе утро! – скажу я тебе!

Солнечный лучик утром проснулся,
Поцелуем к ребёнка лицу прикоснулся,
Того, что вставать не изволит,
Того, что вставать не изволит.

Доброе утро! – скажу я тебе,
Доброе утро! – скажу я тебе,
Скоро, скоро идти нужно в школу,
Доброе утро! – скажу я тебе!

Солнечный лучик утром проснулся,
И целому миру широко улыбнулся,
И шлёт ему воздушный поцелуй,
И шлёт ему воздушный поцелуй!

Доброе утро! – скажу я тебе,
Доброе утро! – скажу я тебе,
Протяни же скорей руку ко мне,
Доброе утро! – скажу я тебе!

Мой прекрасный замок
(Il mio bel castello)

(Баллони – Моретто, середина 1970-х)

– Мой прекрасный замок сделан
Маркондирон дирон дэлло,
Мой прекрасный замок сделан
Маркондирон дирон да.

– Мой ещё прекрасней сделан
Маркондирон дирон дэлло,
Мой ещё прекрасней сделан
Маркондирон дирон да.

– Мы его разрушим смело
Маркондирон дирон дэлло,
Мы его разрушим смело
Маркондирон дирон да.

– Будет он переделан
Маркондирон дирон дэлло,
Будет он переделан
Маркондирон дирон да.

– Так берись за дело
Маркондирон дирон дэлло,
Так берись за дело
Маркондирон дирон да.

– Это всё не важно
Маркондирон дирон дэлло,
Это всё не важно
Маркондирон дирон да.

– Убираем камни эти
Маркондирон дирон дэлло,
Убираем камни эти
Маркондирон дирон да.

Дерево, живи!
(L’albero vive)
(Долорес Олиозо)

Когда подует ветер
Деревья начнут обниматься,
Потянутся ветвями вверх
И достанут до солнца.

Всё дальше вверх стремись, стремись
До голубого неба, ввысь,
Ловя луч солнца золотой
Своей зелёною листвой,

Дерево, живи, ты сердце Земли!

Корни крепко сплетаются
Пожатием дружеских рук,
Спускаясь в недра земли
Навстречу жизненным силам.

Всё глубже вниз стремись, стремись
Сквозь темноту всё дальше вниз,
Расти быстрей, чтобы стать красивым,
Расти быстрей, чтоб становиться сильным,

Дерево, живи, ты сердце Земли!

Нежно зашепчут листья
Опять с наступленьем весны:
"Рядом присядь, отдохни
Под сенью листвы,

Ведь для тебя, ведь для тебя,
О, человек, расту здесь я,
Чтоб воздухом чистым под кроной зелёной
Дышал на планете каждый ребёнок",

Дерево, живи, ты сердце Земли!

Море
(Mare amico mio)
(Долорес Олиозо, 1982)

Мне раку́шка морская пропела
Красивая, как королева:
"Прислушайся к шуму моря
Я тебе его тайны открою…"
И представь себя рядом с дельфином
В изумрудном гроте красивом.

Море, море, в себя навек влюбило
Море, море, в себя навек влюбило, амико мио[1].

Поплыви за большой медузой,
Элегантной и такой прозрачной,
А потом поиграй в прятки
С морским коньком изящным.
А морские звёзды прекрасны!
Их так много, не считай напрасно…

Море, море, в себя навек влюбило
Море, море, в себя навек влюбило, амико мио.

Тыщи рыб – от больших до малых
Блестят, как светлячки, играя,
Ну а водоросли с кораллами
Танцуют свои танцы странные.
Прогуляйся с полипом жгучим
По дорожкам морским под ручку.

Море, море, в себя навек влюбило
Море, море, в себя навек влюбило, амико мио.

Мне раку́шка морская всё пела
Красивая, как королева:
Моё царство в глубинах моря
Изучай, не зная покоя.
Я в глубинах гулять продолжаю,
Пусть лучи солнца там угасают…

Море, море, в себя навек влюбило
Море, море, в себя навек влюбило, амико мио.

---

[1] – мой друг (ит.)

Текст представляет собой типичный детский стишок. Как у любой народной песни, существует несколько вариантов слов. Перевод сделан по транскрипции Моретто.

Шёлк и монеты
(Seta moneta)

(муз. Эльвио Монти, сл. народные)

Шёлк и монеты,
Донны из Гаэты
Прядут шёлк и даже
Прядут хлопок также.
И это очень важно!
Джованни хорошо
Поёт, как петушок.

Петушки цыплятам,
Наседкам и курятам
Поют «ку-ка-ре-ку!»
Курочка квохчет,
Снести яичко хочет,
Рядом с красным петушком,
Рядом с белым петушком,
Что кукарекнул на весь дом.

Шёлк и монеты,
Донны из Гаэты
Тянут нити шёлка,
Вдевая их в иголку,
Так, что дрожат ворота,
Ворота с позолотой.
Они – средневековые,
Считай, почти что новые
И все про то поют.

Поют всем миром
Про эту картину:
Мадам Коломбина
Смотрит из окошка:
Три голубя и кошка,
Трое слуг проходят,
Трёх лошадей проводят
На сёдлах белых,
Барышни в белом,
Кони тоже белые
Шёлк и монеты,
Донны из Гаэты
Прядут шёлк и даже
Прядут хлопок также...

Жил человек рассеянный на улице Бассейной... Стала известна в ещё довоенном исполнении "Трио Лескано" ("Trio Lescano").

Рассеянный Пиппо
(Pippo non lo sa’)

(Крамер – Панцери – Растелли, 1939)

Пиппо не знает сам
Почему смеются все и тут и там?
И даже манекены в огромных витринах
Модных магазинов.

Подходит с важным видом, а затем
Всем говорит: "привет!" и кланяется всем,
И думает, что он красив, как Аполлон,
И курочкой подпрыгивает он…

Поверх пальто надел пиджак,
А на него рубашку кое-как,
А на ботинки надел чулки,
Зато поверх штанов
Завязаны шнурки.

Но Пиппо удивляется:
Ну почему вокруг все улыбаются?
Ведь он так красив, почти Аполлон,
И курочкой подпрыгивает он.

Про чёрного котёнка
(Volevo un gatto nero)

(сл: Мареска, муз: Ф. и М. Пагано – А. Соричилло, 1968)

Большого крокодила, зелёного такого,
Я запросто могла бы подарить тебе
С условием простым: крокодил – тебе,
А ты даёшь взамен котёнка чёрного мне.

Я чёрного хотела, хотела, хотела,
Но ты принёс мне белого, его я не хочу.
Я чёрного хотела, хотела, хотела,
С таким как ты обманщиком я больше не дружу!

Не этого жирафа из ткани и пластмассы,
А из костей и мяса хотела дать тебе
С условием простым: жираф идёт тебе,
А ты даёшь взамен котёнка чёрного мне.

Я чёрного хотела, хотела, хотела,
Но ты принёс мне белого, его я не хочу.
Я чёрного хотела, хотела, хотела,
С таким как ты обманщиком я больше не дружу!

Индийского слона с парчовым балдахином,
Что жил в моём саду хотела дать тебе
С условием простым: индийский слон тебе,
А ты даёшь взамен котёнка чёрного мне.

Я чёрного хотела, хотела, хотела,
Но ты принёс мне белого, его я не хочу.
Я чёрного хотела, хотела, хотела,
С таким как ты обманщиком я больше не дружу!

Условия просты: весь зоопарк тебе,
А ты даёшь взамен котёнка чёрного мне.

Я чёрного хотела, хотела, хотела,
А ты принёс мне белого, но он не нужен мне.
Я чёрного хотела! Пусть чёрный он иль белый,
Котёнка забираю...
и ничего не дам тебе!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Надеюсь, что по ознакомлении с текстами итальянских песен, включённых в этот сборник, у читателя сложилось определённое представление о песенном жанре Италии. Может быть, Вы открыли для себя новые имена в итальянской песне или, наконец, узнали, о чём поётся в давно любимых всеми нами песнях. Если это так, то можно считать, что задачи, стоявшие перед этой книгой, достигли своей цели.

В этот сборник вошли далеко не все песни, которые мне хотелось бы перевести на русский язык. Что-то ожидает своей очереди, что-то находится в процессе перевода, на разных его стадиях. Если найдётся отклик у читателей, возможно, в скором времени выйдет в свет расширенный сборник.

Большинство из представленных здесь песен можно послушать как в оригинале, так и в переводе на моём сайте:

https://songs-bard.narod.ru/

Кроме того, на сайте Вы сможете найти оригинальные тексты песен на итальянском языке, аккорды для гитары к этим песням, а также песни моего собственного сочинения, редкие песни, переводы итальянской прозы и другие материалы.

Отзывы, пожелания и замечания присылайте на электронную почту:

nikolaspb@mail.ru
songs-bard@yandex.ru

Санкт-Петербург
2023 год